

Мария
АРТЕМЬЕВА

Александр ВАРГО

рекомендует

Темная сторона МОСКВЫ

*По этим улицам мы ходили десятки раз.
И никто из нас не замечал эти жуткие
тени прошлого, эти реки крови и полиция
омерзительных крыс-подсоедов...*

18+

MYST. Черная книга 18+

Мария Артемьева

Темная сторона Москвы

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Артемьева М.

Темная сторона Москвы / М. Артемьева — «Эксмо»,
2017 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-96095-8

Такого «путеводителя» по Москве еще никогда не было. В недрах чудовищного мегаполиса хранятся истлевшие легенды, способные материализоваться помимо нашей воли и нашей веры. Но даже те, кто не верит в чертовщину категорически, могут прислушаться и уловить шепот старых стен; могут присмотреться и увидеть черный экипаж с душами умерших; могут прочувствовать оголенными нервами проклятие сырого тоннеля, языческого капища, змеиного гнезда. Весь этот могильный мрак — рядом с нами. К нему легко прикоснуться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96095-8

© Артемьева М., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Мартиролог мертвых душ	6
Башня колдуна	12
Далеко, у черта на куличках	22
Либерея	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мария Артемьева

Темная сторона Москвы

© Артемьева М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая Преданья старины

Мартиролог мертвых душ

Ул. Большая Якиманка; Кремль и окрестности

(История, поведавшая в тесном кругу)

В 2001 году приняли меня на работу в одну иностранную туристическую фирму. Помещалась она в старинном особнячке на Большой Якиманке – уютном голубом домике с колоннами. Меня впустили внутрь, выписав пропуск, и провели по старинной чугунной лестнице на самый верх. Фирма занимала там, под самой крышей, несколько комнат.

Собеседование проводил лично директор – австриец, довольно ловко уже наострившийся по-русски шпрехать. Очень мило мы с ним побеседовали; он все улыбался, одобрительно поглядывая на мои бицепсы.

Решение директор принял стремительно. После двух минут разговора вызвал в кабинет заместительницу – пафосная такая девица, Наталья, – она увела меня из кабинета и объявила: «Берем тебя на должность инспектора привидений».

«Какого-какого инспектора?» – не понял я. Думал – послышалось.

– Инспектора привидений. Но ты, – говорит Наталья, – не пугайся. Работа ненадолго, временная. А деньги очень хорошие. Через пару месяцев «бэжу» купишь!

– «БМВ»? – осторожно так спрашиваю. – У вас тут, случаем, не мафия?

Она смеется: ну ты, говорит, девственный кадр!

И рассказала все по порядку.

Оказывается, австриец фирму организовал в расчете на своих соотечественников и вообще европейцев. Среди немцев и англичан очень много почему-то любителей всякого рода чертовщины; призраки там, полтергейсты, необъяснимые явления разные интересуют их. Для таких сдвинутых на мистике граждан и развивается особое направление в туристическом бизнесе: называется «паранормальный туризм».

Ясное дело – для ненормальных и цены соответствующие. Чем безумнее цена, тем убедительнее приманка! Психам нравится.

Наталья сказала: они в этой своей фирме над каталогом начали работать – духовные достопримечательности Москвы. Призраки. Привидения. Мистические артефакты. Солидную базу собрали с адресами и описаниями, эдакий мартиролог мертвых душ.

Так вот, моя работа будет – проверить все эти адреса. И по каждому случаю предоставить подробный отчет.

– Когда можешь приступить? – спросила Наталья. Я, конечно, ответил как пионер:

– Да хоть сейчас!

– Ну что ж, давай... Первое тестовое задание у тебя простое: проверить вот это самое помещение, где мы сейчас находимся. В данный момент наша фирма здание арендует, но если сведения о рыдающем призраке подтвердятся, шеф с удовольствием приобретет его в собствен-

ность. Дом с призраком – превосходное вложение капитала в наш бизнес. Шеф заинтересован в подобных инвестициях... Итак, согласен?

– Ну да, в принципе... Ничего сложного!

Наталья улыбнулась и отправила меня в комнату на втором этаже, где мне выдали сухой паек на вечер и специальное снаряжение – налобный фонарик с записывающей видеокамерой. Мне предстояло провести в здании фирмы ночь без сна. В качестве полезного развлечения Наталья показала мне, как пользоваться их эксклюзивной базой московских артефактов.

– Это тебе надо изучить, – сказала замдиректора. – Будущий фронт работ. Читай внимательно!

Как раз в этот момент офисные часы показали шесть вечера, и сотрудники фирмы деловито засобирались по домам. Пока Наталья накидывала пальто, я успел спросить ее:

– А что за призрак-то здесь?

Она сухо ответила с порога:

– Смотри базу, там все есть.

И ушла вслед за остальными. А я остался один на один с гигантским собранием чепухи, которое с таким апломбом именовалось здесь «базой московских артефактов».

Заварив быстренько чаю, я разложил на столе перед клавиатурой выданные мне бутерброды и взялся за чтение и еду, чтобы скоротать время. Было еще рано, и спать все равно пока не хотелось.

Забавное оказалось чтение.

В этой их «базе» даже классификация была выведена. Духи ведь бывают разные.

Попадаются страшно назойливые: то и дело досаждают всем своими появлениями. Обычно из-за того, что их при жизни кто-то обидел: чего-то недодал, отнял или хочет отнять после смерти. Привидения-эгоисты пекутся только о собственном благе. Притом большинство из них почему-то считаются безвредными. Не знаю почему.

Начал я чтение почему-то с буквы Х.

Князья Хованские. О них почти все слышали. Будучи живыми, князья послужили прототипами для персонажей оперы «Хованщина» Мусоргского. А уже посмертно – для книги «Бронзовая птица» Анатолия Рыбакова.

Оба князя, Иван и Андрей, отец и сын, были зачинщиками стрелецкого бунта. Намеревались царевну Софью возвести на престол как новую государыню. Но не рассчитали. Так уверены были в царевниной благодарности, что по пьяной лавочке зарвались и позволили себе... излишне свободное обращение с будущей царицей. Софья разгневалась, но поначалу виду не подавала. А про себя подумала: если они сейчас так нагледят, чего же от них дальше ждать? Решила обид не копить, а рассчитаться с благодетелями за все и сразу.

Призвала Хованских к себе в резиденцию – в село Воздвиженское. Эти простаки-бунтари явились, ни о чем не подозревая. Коварная Софья велела схватить их и казнить на месте.

Отрубили князьям буйны головы. А за то, что покушались на женское достоинство царевны, мстительная девица приказала не хоронить тела казненных по христианскому обычаю, а затоптать в гать у Голыгинских болот. Замостить дорогу их трупами. Чтобы хоть какая-то была польза от безголовых во всех отношениях князей.

С той поры и по нынешнее время отец и сын Хованские каждую ночь поднимаются из болота, выходят на дорогу и как завидят прохожего – кланяются, просят-умоляют похоронить их по-людски под святым крестом. Кланяясь, вместо шапок снимают отрубленные головы...

С момента, как за последним сотрудником захлопнулась дверь, во всем здании установилась гнетущая тишина. Пластиковые окна, выходящие на улицу, не пропускали никакого шума извне, и я, сидя в одиночестве перед экраном монитора, слышал теперь только тихое жужжание компьютерного кулера. Верхний свет не горел в целях экономии. Мрак заполнял

комнату почти полностью, и только свет настольной лампы очерчивал магический круг, удерживая меня в своих заботливых пределах...

Я вдруг представил себе, как двое призрачных мужчин со скорбными лицами выступили из темноты за моей спиной и смотрят на меня глазами, полными слез и надежды. Лица их бледны; в черных пятнах запекшейся крови, на фоне тьмы они кажутся прозрачными. Провалы ртов судорожно изгибаются, пытаюсь издать хотя бы звук... Шелестят сухие потрескавшиеся губы, ворочаются вспухшие языки, но голоса нет. Из разрезанных гортаней с шипением вырывается воздух, мокро хлопает кровь на груди. Мертвые протягивают руки...

Фу ты, черт!

Что-то нарушилось в теплом ощущении незыблемости света: границы освещенного круга задрожали, затрепетали, внутри лампы затрещало... Темень, наблюдавшая агонию со стороны, немедленно повысунула из углов жадные рыла. Я замер, не смеядохнуть. Лампа поморгала и... опомнилась. Трусливое дребезжание прекратилось. Мрак вжался в стены, не посмев приблизиться. Я перевел дыхание.

«От ужасного вида казненных князей люди лишаются ума или падают на месте замертво», – этот милый комментарий сопровождал в «мартирологе» историю Хованских.

«Ничего себе – безобидные призраки!» – подумалось мне. Нарочито шумно отхлебнув чаю, я сверился с базой и выяснил, что князья-призраки имеют подмосковную прописку за МКАД: у села Голыгино по Староярославскому шоссе, ближе к Радонежу. Далековато. Пожалуй, я туда не поеду. С какой стати? Ведь меня наняли за московскими призраками смотреть...

Которых больше всего, конечно, в Кремле. А кто меня туда пустит?

Вот, скажем, Успенский собор.

«Когда-то на его месте располагалось древнее языческое капище. С тех пор по ночам в стенах храма слышен плач невидимых детей. В том месте, где они были убиты и где находился жертвенник...»

Среди кремлевских много таких призраков, которые являются редко и только по особому поводу. Например, Иван Грозный. Последний раз показывался в кабинете Сталина в мае 1941 года, перед самой войной. А до того – в день коронации последнего российского царя, Николая II, на колокольне Ивана Великого. Считается, что он тогда предсказал монарху мученическую смерть и революцию в стране.

Тень Лжедмитрия – неизвестно, которого из их многочисленной компании – появлялась на кремлевской стене в августе 1991 года. Наверное, о путче хотела поведать. А может, об обмене денег или приватизации – кто его знает?..

Я оторвался от любопытного чтения и какое-то время прислушивался. Мне показалось, что где-то в соседней комнате скрипнула деревянная половица. На спине у меня задергался нерв; я вдруг ощутил всю меру своей незащищенности. Но продолжил читать, уперев взгляд в экран компьютера. Я чувствовал себя таким упрямым Хомой Брутом перед гробом мертвой ведьмы-панночки: полночь, жуть, кровь стынет в жилах, вот-вот явится Вий. Надо читать. Не стоит подымать веки...

Блин! Да неужто во всей их распроклятой базе нету ни одного призрака, о котором можно было бы сказать хоть что-то хорошее?! Что-нибудь спокойное, милое... А, вот!

«Добрые призраки». Всего один?! Ну, не стоит привередничать.

Итак, дух книговеда Рубакина.

Есть водяные, есть домовые и банные, и есть один уникал – библиотечный. Обитает в отделе рукописей бывшей Ленинской библиотеки. Между прочим, пользу людям приносит! Да, вот так.

Был, оказывается, когда-то такой ученый – Николай Рубакин, основатель библиопсихологии. Больше всего на свете обожал книги, изучал процесс чтения и то, как действует он на

людей... Собственную огромную коллекцию книг завещал после смерти Румянцевской библиотеке. Да так и не смог с любимыми книжками расстаться...

Дух Рубакина обитает в стенах знаменитого книгохранилища. Если у людей, работающих там, что-то в деле не ладится – не отыскивается редкая рукопись или фолиант какой пропадет, – обращаются к Рубакину. Просят, чтобы помог. Честным работникам библиотечный обычно не отказывает.

...В огромном читальном зале мертвая тишина, и вдруг за спиной слышатся шаркающие шаги, холодный ветерок повеет. Обернешься, а позади – никого. Значит, старик Рубакин ходит, за порядком приглядывает, библиопсихологию придирчиво изучает. Попутно защищая книжный фонд. Ежели кто книги рвет – гневается...

Время приближалось к полуночи. Неожиданно монитор замигал; что-то щелкнуло в компьютере, и текст на экране скакнул и понесся вниз, пролистывая целые разделы в секунду. Словно титры какого-то фильма, который только что окончился... Яростно щелкая мышкой, я пытался остановить это бешеное мелькание строчек, как вдруг все застыло. Я взглянул на текст, и холодок пробежал по моей спине:

«Проклятие дома на Большой Якиманке, или Рыдающий призрак», – злорадно помаргивая, сообщал мне компьютер.

«Вот уже сотню лет москвичи полагают, что дом 43 на Большой Якиманке проклят. Каждую полночь является здесь призрак рыдающей женщины, и время от времени происходят необъяснимые вещи: стены дома разрушаются сами собой, предметы и люди, оказавшиеся внутри, пропадают навсегда.

Дом этот когда-то построил для своей любовницы богатый купец и предприниматель Игумнов. Однажды (как положено по классическим канонам), вернувшись из деловой поездки раньше срока, он застал свою красотку в объятиях незнакомого корнета. Вспыхнул скандал; Игумнов выгнал из дома и корнета, и ветреную возлюбленную.

Некоторое время спустя он решил продать дом. Однако по документам недвижимое имущество числилось в собственности изгнанной дамы. А молодая женщина исчезла из Москвы; никто ее больше не видел. Что, разумеется, вызвало подозрения в отношении купца. Дом дважды обыскивали представители власти, однако никаких трупов не нашли.

И все равно дом никто не купил. Москвичи обходили здание стороной, опасаясь проклятия. Говорили, что внутри строения то и дело слышатся чьи-то стоны и плач. Дом простоял заколоченным до самой революции, пока в нем не устроили общежитие работниц Гознака...»

Читая, я вдруг услышал странное потрескивание; оно шло и справа, и слева от меня, и отовсюду: трещали стены. Обернувшись, я глянул и поразился: стены корчились, слоились, словно что-то изнутри взрезало их. Темнота вдруг рассеялась; потолок отступил вверх, стены вытянулись. Вся убогая офисная облицовка внезапно испарилась: белые пластиковые панели исчезли; вместо ламп дневного света зажглись десятки призрачных свечей в подвесных канделябрах. Теплые желтые блики от их живого пламени рассыпались по стенам и потолку, игриво выставляя напоказ изящную резьбу и цветные росписи. Кокетливая золоченая мебель выстроилась как на парад; кадки с пальмами и плющами встали у тяжелых дубовых дверей, украшенных резьбой. Двери начали распахиваться сами – одна за другой, открывая анфиладу комнат. Словно в шкатулке с потайным дном, они хранили где-то в глубине загадку, тщательно оберегаемый секрет, который нельзя открыть сразу и вдруг, а только так, преодолевая нетерпение, сдерживая любопытство...

Дверей и комнат было так много, что мне показалось, будто я иду по зеркальному коридору, который вечен; ему не будет конца. Но вдруг что-то впереди (что-то или кто-то?) стремительно двинулось мне навстречу. Что? Мое зеркальное отражение, двойник?

Нечто белое летело на меня из темноты. Колыхаясь, словно язык тумана от движения воздуха, оно настойчиво придвигалось ближе, все явственнее; все четче прорисовывались детали.

Женщина. Невысокая бледная красавица в белом атласном платье с оголенными руками. Высокий лоб и черные локоны украшены цветами; женщина слабо улыбается, умоляющим жестом протягивает ко мне руки... Ее сказочная красота манит, притягивает.

– Хочешь узнать тайну вечной любви? Иди ко мне!

Голос ее – как серебряный колокольчик. Потрясенный, я потянулся ей навстречу. Захотелось к ней прикоснуться...

Но... какой-то странный сладковатый душный запах остановил меня. Наряд красавицы насторожил: уж больно допотопный. Из какой-то театральной постановки? Да нет, из бабушкиного сундука. Платье побито молью, ткань до того ветхая, что расползается прямо на глазах. Так вот откуда этот запах тления!

В ужасе я поднял глаза: красавица застыла в шаге от меня, ее взгляд потемнел от ярости – черные горящие угли направлены в мою сторону... Угли? Нет! Угольно-черные провалы; глазницы пусты. Кожа на лице сморщивается; скулы втягиваются, кожа лопается и расползается, наружу вылезают желтоватый череп, высокие лошадиные зубы.

Челюсть с хрустом выламывается. Обнажаются кости; полусгнивший труп протягивает руки и крепко схватывает меня.

– Ты не смеешь! Не смеешь хоронить меня здесь заживо одну!!! – визжит женским голосом чудовище, вцепившись мне в горло когтистыми лапами.

В этот момент что-то делается с домом.

Он весь трещит и расползается. По стенам бегут трещины, лопаются обои, выпадает кусками штукатурка, выстреливая, ломаются половицы... И пыль и смрад взмываются из всех углов.

Не знаю, отчего я не могу дышать: от того, что мне сдавили горло, или от того, что дом наполнил запах покинутого человеческого жилья.

Страшный, мертвенный запах. В нем смешались все многовековые наслоения: запах съеденной и несъеденной еды, вонь выплеснутых кухаркой помоев, солдатских истертых портянок, юношеских выдавленных угрей, старческих пролежней, гниющих бинтов на ранах, крови рожениц... Всё-всё, что жило когда-то в этом доме и имело запах, – всё умерло и провоняло!

Смрад исходил отовсюду: от сгнившего дерева паркета, от вывернутых с корнем плинтусов, ржавых гвоздей, от стен с пожухлыми, рванными лоскутами обоев, от осыпавшейся с потолка склизкой сырой штукатурки, покрытой грибком и плесенью.

Дикая вонь первородного греха, обитавшего здесь когда-то, заполнила все вокруг – терпкая, густая, настоявшаяся за сотню лет; а к ней примешались запахи крысиного помета, тараканьих экскрементов, визиток бродячих котов и собак – все, что только способно загадить покинутое человеком жилье, – все испускало запах и фонтаном било теперь до самых небес, не позволяя мне дышать! Словно трупный яд отравил воздух.

Я уже терял сознание. Перед глазами завертелись разноцветные круги, я увидел над собой почему-то звездное небо, горло мое хрипело под натиском...

Но вдруг где-то совсем рядом заголосил петух.

Истошно и немзыкально он прокукарекал трижды; с последним криком птицы костлявый демон, тоскливо вскрикнув напоследок, ослабел и, рассыпавшись пеплом, выпустил мое горло.

Судорожно хватая ртом воздух, я стоял посреди комнаты и вновь видел вокруг одни только белые панели офиса, аккуратные линии столов и пластиковых окон. Компьютер, за экраном которого я просидел ночь, мигал, не выключенный, на словах: «Ходят упорные слухи, что исчезнувшая возлюбленная Игумнова замурована в одной из стен дома заживо».

Было три часа утра, и небо за окном еще не утратило глубокой бархатной синевы, свойственной ночи. Петух прокричал снова. Кричал он почему-то из моего кармана.

Совершенно дезориентированный, я похлопал себя по ляжке, вытащил из кармана джинсов мобильный и принял звонок.

– Аллю? – сказал я в трубку, как только восстановилось дыхание.

– Это доставка пиццы на дом? – спросил незнакомый мужской голос.

– Нет, это мой номер.

– Вот блин! А где же пицца? Исчезла, что ли? – недовольно проворчали в трубке. – Ну, блин...

И слышались гудки. До сих пор с симпатией вспоминаю этого неизвестного раздолбая, которому вдруг среди ночи понадобилась пицца и он отчего-то перепутал нужный ему номер с моим.

Называть это везением или чудом – не знаю, но как раз за день до того, как пойти на собеседование в странную фирму, я сменил звонок на мобильном – вместо безликой попсовой мелодии поставил крик петуха. Не знаю, зачем я это сделал, но это оказалось весьма удачной мыслью.

Именно эту горластую птицу на дух не переносят привидения. У них что-то вроде аллергии на петухов.

* * *

В то утро я раз и навсегда отказался от должности инспектора привидений. Не знаю, что за призраки посетили меня в ту ночь, но выяснять это не было никакой охоты. Если кому хочется – пусть себе выясняет, пусть инспектирует... А я не стану ни за какие коврижки!

Между прочим, записывающая видеокамера, выданная мне Натальей, ничего особенного не зафиксировала. Часть видеопленки оказалась испорчена какими-то электромагнитными скачками, а на сохранившихся кадрах – только благопристойные стены офиса.

Возможно, вы решите, что это самая глупая история о привидениях, но тут ничего не поделаешь: все было как было.

Башня колдуна

Большая Сухаревская площадь

При строительстве подземного перехода на Большой Сухаревской площади недавно обнаружили фундамент Сухаревой башни, на удивление прочный и хорошо сохранившийся. Архитекторы, в восторге от находки, тут же решили изменить проект и сделать потолком нового пешеходного перехода найденные под землей арочные своды.

Как-то раз на площадку еще не завершеного строительства спустилась под землю целая делегация от городских властей. Среди прибывших выделялся высокий старик с гривой волнистых седых волос. Он казался взволнованным: рассказывал по площадке, трогая древнюю кладку, и, невнятно бормоча себе под нос, оглядывал каждый кирпич, будто что-то выискивал.

– Этот-то что забыл здесь? – раздраженно шепнул главный инженер менеджеру по снабжению. Нежданный визит начальства строителей совсем не радовал.

– Не знаю, – так же шепотом ответил менеджер. – Отказать было нельзя: какая-то шишка... Скульптор. С самим Герасимовым работал.

– Это который лица по черепушкам восстанавливал?

– Он самый, – кивнул менеджер.

– Хм. И чего ему тут надо?..

В этот момент чудной старик приблизился к собеседникам, и оба они услышали тихо сказанные им слова:

– Ну, здравствуй, Чертова башня!

Главный инженер и менеджер по снабжению переглянулись. Старик разговаривает с камнями?..

* * *

Человек этот, удививший строителей нелепым поведением, был действительно скульптор – Григорий Сиротин, один из учеников Михаила Михайловича Герасимова, ученого-антрополога, впервые в мире разработавшего метод восстановления лицевых тканей по костным останкам. Специально для этих целей была создана реставрационная мастерская при Эрмитаже. Коллеги Герасимова чаще называли ее «лабораторией», подчеркивая скорее научную, нежели творчески-художественную сторону того дела, которым занимались.

В 1937 году, будучи еще совсем молодым человеком и очень неопытным сотрудником, Григорий Сиротин работал там вместе со своим учителем и прямо-таки горел энтузиазмом.

Всякий новый объект вызывал у него любопытство.

«Объектами» в мастерской называли костные человеческие останки, которые в большом количестве свозили для исследований со всех концов страны. В мастерской объекты первым делом нумеровали, очищали от органических загрязнений, раскладывали по коробкам и описывали в картотеке: откуда и когда доставлен, чем интересен объект для науки и тому подобное.

Так в мастерскую прибыли мощи из Софийского собора в Киеве, безымянные кости из усыпальницы в Загорске, неизвестные останки из казанских курганов, содержимое нескольких раков из разрушенных церквей... Однажды были привезены из Москвы останки погребений из кирхи Немецкой слободы, снесенной по распоряжению новой атеистической власти столицы.

Те, кто доставил объект из кирхи, утверждали, что это, должно быть, кости самого Якова Брюса.

– А кто такой Яков Брюс? – жадно спрашивал Гриша Сиротин у своего шефа, Михаила Михайловича, когда тот, задумчиво стоя у рабочего стола с разложенными инструментами, детально рассматривал объект, мысленно прикидывая – с чего начать расчистку сильно загрязненных земель и кирпичной пылью костей.

– Брюс? Чернокнижник. Колдун. По слухам...

Недоумевая, Гриша уставился на своего начальника. А Михаил Михайлович, заметив озадаченное лицо своего сотрудника, рассмеялся:

– Да нет, Брюс – вполне историческое лицо, Гриша! Был такой Яков Вилимович Брюс, подданный России из рода шотландских королей. Девиз у него дворянский был весьма примечательный: «Fuimus», это на латыни – «Мы были!» Но Шотландию предки Брюса покинули задолго до его рождения. Еще папенька его царю Алексею Михайловичу служил. А сам Яков, родившись в Москве, в юности состоял в потешном полку Петра I. Отсюда и взлет его необычной карьеры: ученый-самоучка, сопровождал царя в его путешествиях по Европе... артиллерист, в сражениях участвовал... политик – Ништадтский мир подписал... государственный деятель – шеф Артиллерийской и инженерной школы в Москве... И так далее, и так далее.

– А почему – колдун?

Михаил Михайлович стоял, потирая подбородок, и пытливо исследовал какую-то точку на пыльном паркете. Вопрос Гриши вывел его из задумчивости.

– Что? А, Брюс-то! Ну, брат, если тебе интересно – поройся в архивах. В нашей работе это иногда бывает очень кстати. Объекты следует изучать всесторонне. А не только с темной стороны, так сказать...

Гриша улыбнулся и вскоре действительно последовал совету Герасимова. Это оказалось не менее увлекательным делом: восстанавливать биографию «объекта» по сохранившимся документам. Самыми любопытными архивными находками он обязательно хвастался шефу.

– Смотрите, Михал Михалыч, какой интересный источник о Брюсе! – И пока Михал Михалыч расчищал кости Брюса от налипшей земли и собирал расколотые части, словно мозаику, примеряя друг к другу – подойдет не подойдет, – Гриша торжественно и громко зачитывал: – «В скорби великой и страхе Божиим доношу вам, владыко, о деле, всколыхнувшем всю нашу паству; деле нечестивом столь же, сколь и богопротивном. Прибыв в наш город, известное вам лицо, коему, как вы знаете, противиться мы, слуги Божии, не имеем возможности, совместно с иноземным Яковом Брюсом силою, под угрозой ареста и наказания плетьюми, проникли в подземные схроны под нашим главным собором и к великому ужасу нашему вскрыли гробницы с нетленными мощами, отчего весь городской люд пришел в волнение. Думаю, что сам Сатана внушил нечестивцам веру в то, что тайны вечной жизни могут быть постигнуты одним дерзновением человеческого ума, а не путем смирения пред Господом. Пытаясь узнать секрет нетленности святых мощей, говорили они между собою об опыте и поступали подобно Фоме неверующему, влагавшему кощунственные персты в раны Господни.

В изумлении крайнем от сего деяния пребывая, по слабости и греховности своей не имели мы сил противостоять сему святотатству, и в том молим прощения у Отца нашего небесного, и твоего снисхождения, владыко, умоляем. А сами себе того простить не можем, что святые мощи от поругательства и разорения не уберегли. Под угрозой обвинения в государственной измене, желая хотя бы удалить из святого места проклятого иноземца Брюса...»

– Понимаете, о ком речь? – прервав чтение, спрашивал Михал Михалыча Гриша. Тот согласно кивнул.

– Полагаю, о царе Петре.

– Точно! – сияя от удовольствия, соглашался Гриша. – Его неспроста на Руси Антихристом считали. Любознателен был без меры. Среди прочего и личным бессмертием интересовался, и способами бальзамирования... Царь. Вот откуда «угроза государственной измены» и «нет сил противостоять».

– А по сути-то, Гришенька, этот документ – донос, – сказал Михаил Михайлович, оставив в покое Брюсовы кости и потирая лоб. Вид у руководителя лаборатории был какой-то усталый и болезненный. – Донос, да. Но написанный так... экивоками разными, чтоб самого доносителя за заговор не цапнули...

– Совершенно верно! – кивнул Гриша. – Донос мелкого церковного чина на Брюса. А вот еще, это уже другое лицо пишет, из числа придворных. Но на ту же тему: «Говорят о нем, что, странствуя по всем землям, княжествам и королевствам, с ведома и без ведома царя Петра, научился сей Брюс разным чародейским наукам, как то: предвидеть будущее, открывать тайные помыслы, колдовать при желании неисчислимы количества войск, повозок и коней, находить спрятанные в земле клады, излечивать недуги и даже застарелую дурную болезнь. Приводят о нем сведения, доказывающие, что господин сей не токмо чуждой нам веры, но и вовсе богохульник, ежедневно в качестве платы Дьяволу поносящий Единого Бога Животворящего самыми страшными поносными словами. Называют его также астрологом, некромантом, хиромантом, аэромантом, пиромантом и гидромантом. Притом оные все дисциплины указывают именем наук, смущая и растлевая невежественные умы. Ибо сколь самонадеянно присваивать дьявольским соблазнам имена наук противу всякого разумения.

А понятно, что упражнения в подобных искусствах – дело не только богопротивное, но и весьма пагубное, и того никто отрицать не может, ибо колдовство и чародейство всегда почитались таковыми. А что колдун сей Брюс, тому имеются у нас доказательства...»

Гриша перестал читать и презрительно фыркнул. Шеф кивнул ему, но сказал совсем не то, чего ожидал Гриша:

– Да... колдунов в те годы весьма рьяно казнили и в просвещенной Европе, и на Руси тоже. Отец Петра I чародеев казнил, и после Петра властители с ними сурово обходились, даже и на кострах сжигали. Хотя не так массово, как в Германии и Франции... Брюсу, судя по всему, просто повезло, что сам царь – Антихрист! – за него горой стоял. Если б не это обстоятельство – пропал бы ни за грош, и весьма скоро. Да, собственно, и сам царь Петр по краю ходил со своей любовью к опытам-экспериментам... Легко мог сгинуть, повернись чуть иначе судьба: даром что царь.

– А хотите про доказательства? Там очень смешные доказательства... – спросил Гриша, пылая лицом.

– Погоди-ка... Ты мне вот что, Григорий, дружок, скажи... – Шеф морщился, со страдальческой миной потирая виски. – Ты ведь работал уже с Брюсовыми костями? Не замечал ли?..

– Да, чистил тоже. Немного, – ответил Гриша.

– У тебя голова от них не болит? – внезапно спросил Михаил Михайлович и заглянул в честные глаза Гриши.

– Не-е-ет, – протянул тот. – А что такое?

– Да вот, понимаешь, какое странное дело. Стоит мне взяться за эти останки – тут же у меня головокружение начинается или того хуже – мигрень. Так и стреляет в висках! Аж в глазах темно. Не было у тебя такого?

– Да вроде нет, – сказал Гриша, усиленно припоминая.

– Главное, что удивительно-то: я Веру с Надей спрашивал – говорят, у них то же самое. По этой причине они и не хотят с объектом триста пятнадцать возиться... Надя говорит, у нее с тех пор, как она взялась за эти кости, каждую ночь кошмары. Старик какой-то снится в старинном парике, грозит ей... Представляешь?

– В парике? Сам Брюс, что ль, во снах является? – вытаращился на шефа Гриша и неуверенно хихикнул.

Михаил Михайлович улыбнулся, но глаза его оставались серьезны и темны – видимо, от несчастной мигрени.

– Я вот думаю: может, его кости отравлены? Не знаю, может, испарения какие-то ядовитые, а? Мышьяк, я слышал от криминалистов, очень долго в тканях сохраняется. Как думаешь?

– Не знаю, – сознался озадаченный Гриша. Химию он никогда не изучал и про мышьяк не знал ровно ничего. Он вообще думал, что мышьяк имеет какое-то отношение к мышам. Или в крайнем случае – к их экскрементам. – Не знаю!

– М-да... Ну, ладно. Посмотрим, понаблюдаем, – сказал шеф и, накрыв кости Брюса куском дерматина, отошел к другому столу, подальше, и занялся следующим объектом. – Так что там были за доказательства?..

– Ах да! А доказательства чародейства у них вот какие были... – Гриша заскользил взглядом по документу, отыскивая нужный текст. – Ага! Читаю. Это уже третий источник: «Москвичи, батюшка, запуганы. Всякую ночь на вершине Чертовой башни горит свет. И в какую ночь видится тот свет – в тую ночь слышат в башне крики живых мертвецов, коих чародей своими заклятиями заставляет служить себе... Видели также, что проклятый Брюс сей летал на железной трубе вокруг своей башни, и оттого не дерзают православные появляться рядом с нею в темное время. А полеты колдуна сулят недороды и ненастья в наших краях, как много раз в том убеждались... А еще страшнее того, отчего у любого кровь в жилах стынет, если в подвале той башни заворочается вдруг железный дракон, сотворенный самим колдуном на потребу богомерзким затеям. От ворочания сего железного дракона происходит в нашей земле дрожь, зело опасная для городских построек...»

– Вот ведь бред, а, Михал Михалыч?! – фыркнул Гриша. – Мертвецы! Труба какая-то!

– Не знаю, не знаю, Григорий, – то ли насмешливо, то ли всерьез сказал Герасимов, – в Сухаревой башне – а это ее москвичи и прозвали Чертовой – находилась довольно долгое время Артиллерийская и инженерная школа, которой сам Брюс заведовал по поручению Петра. На вершине башни он устроил обсерваторию для изучения звезд – отсюда, вероятно, труба... А свет по ночам и живые мертвецы... Не знаю! Вообще-то там собиралось по ночам некое общество – они называли себя «Обществом Нептунов». Любители науки – из числа иноземцев в основном. А может, и заговорщики... Но дело в том, что вроде бы и сам царь Петр был одним из них – тогда какие же тут разговоры? Непонятно.

– А почему – Нептунов? – озадачился Гриша.

– Нептун в алхимической традиции – первооснова, первый шаг на пути Великого Деяния: превращения свинца в золото. Я так понимаю, они считали себя учениками Природы и подчеркивали собственное невежество: мол, постигаем азы в преддверии Храма Познания.

– Ишь ты! Красиво, – сказал Гриша и с интересом бросил взгляд на скрытые под дерматином кости странного человека. Чародей? Хм!

– Ну, на сегодня будет, – вздохнул шеф и, позвякивая ключом в кармане пиджака, сказал: – Одни мы тут с тобой застряли. А что, Леночка тебя сегодня разве не ждет?

– Точно! – спохватился Гриша. – Мы же с ней на фильму новую собирались!

– Тогда беги, уже почти восемь.

Гриша дико глянул на часы, бросил папку с вырезками и копиями документов, из которой он зачитывал шефу добытые сведения из жизни объекта № 315, схватил в руки пальто и стартовал с места со скоростью, живо напомнивший Герасимову о непревзойденном чемпионе, чернокожем олимпийце Джесси Оуэнсе; заведующий мастерской рассмеялся.

Он подошел к брошенной Григорием папке и заглянул в нее. Наткнувшись на какую-то интересную строчку, присел к столу и внимательнее вчитался в текст...

– Ну-ка, ну-ка? – потирая подбородок, приговаривал Михаил Михайлович и, болезненно морщась, тер рукой лоб. Но не уходил. Чтение оказалось весьма любопытным.

* * *

Пару дней спустя между Михаилом Михайловичем и Гришей состоялся еще один разговор по поводу Брюса. Приютившись на истертом мраморном подоконнике, они сидели в курилке и, отрешенно исследуя трещины в штукатурке на стене, дымили папиросами. А потом шеф с какой-то странной, испытывающей интонацией спросил:

– Скажи-ка, Гриша, по чести: ты веришь в тайное знание?

Гриша удивился вопросу:

– Это в каком смысле, Михал Михалыч?

– Ну вот, дорогой мой, представь: наука, – охотно принялся пояснять шеф. – Путем, значит, опыта, рассуждений, исканий... наука открывает истины. Вот, скажем, кто-то высказал теорию – скажем, я. А другой может ее проверить, оспорить – скажем, ты. Из нашего с тобой спора вытаскивается на свет божий истина, то есть научное достижение. Достижение фиксируется в публикациях, становится известно всему научному сообществу. Входит в учебники...

– А теория Дарвина? Она не была доказана, а в учебники вошла? – сощурившись, перебил Гриша. Глаза его горели. Рассуждения шефа чем-то ему польстили. Он с азартом ожидал продолжения и уже готов был спорить. Ради науки.

– Дарвин?.. Да, не доказал. Гипотезу Дарвина не доказали, но и не опровергли. В науке возобладало материалистическое направление, и потому ее приняли за основу. Просто на тот момент времени она пришлась очень кстати, многое разъяснив. Не завела в тупик, а напротив – дала толчок к дальнейшему развитию...

Все больше увлекаясь разговором, шеф принялся размашисто жестикулировать:

– Тут не важно: Дарвин, не Дарвин!.. Не было бы Дарвина – был бы кто-то еще. Главное – среда! Поступательное развитие науки закономерно и обусловлено скорее общим ее уровнем, нежели единичными гениальными прорывами. Не случайно многие открытия как бы дублировались людьми из разных стран, совершаясь одновременно в разных уголках Земли...

Вот отсюда и вопрос: могут ли вообще существовать в науке какие-либо скрытые тропы? Пути, которые не всем ведомы? Могло ли так случиться, что некие истины открылись только кому-то одному или, допустим, очень узкому кругу ученых? Оставшись при этом совершенно неизвестными никому, кроме этих избранных?

Возможно ли сакральное знание? Знание, у которого есть только хранители, но не было и не будет последователей?

– Ну и вопрос, Михал Михалыч! Может ли истина быть скрытой?! Ясное дело! Наука для того и существует, чтобы открывать скрытые до поры истины. Оно ж потому и называется открытием! – горячился Гриша. – В том и смысл! Открывать. Нести, так сказать, свет познания...

Какое-то время коренастый Михаил Михайлович стоял перед Гришей, приложив указательные пальцы себе к сомкнутым губам, и молча испытующе глядел на собеседника. Потом, будто очнувшись, отнял ото рта пальцы и сказал:

– А предположим, ты, Гриша, сделал открытие... И тут же немедленно убедился, что оно опасно. Ну, знание – великая сила, как мы знаем. А та истина, которую ты открыл, дает, допустим, ее обладателю силу столь могучую и непреодолимую, что это сразу ставит человека чуть ли не на уровень божества. Представляешь себе? Готов ли ты таким отчаянным секретом с кем-то поделиться? Что называется, на шарашку? А?

– Не знаю даже, что и сказать. Под контролем партии и правительства...

– А ведь ты понимаешь, Гриша, есть ведь еще вещи, которые необъяснимы и недоказуемы! – Шеф, захваченный водоворотом собственных мыслей, энергично отмахнулся от Гришиних аргументов. – Понимаешь?! Хотя бы в силу разницы человеческого восприятия. У одного

глаза зоркие, и он все звезды в Стожарах сосчитать может. А у бабки, скажем, глаза подслеповаты; она не то что Стожары, она корову свою уже не видит. Все у нее расплывается перед глазами. Вот я ей о Стожарах расскажу, но она все равно их не увидит никогда! Понравится ей мой рассказ – ну она в него, допустим, поверит, если ей захочется. А не захочется – не поверит, сколько б я ни бился, доказывая свою правоту. Потому что не видит старушка! Глаза слабые.

Так и с другими явлениями природы: кто-то воспринимает их как данность, потому что они даны ему в непосредственных ощущениях, а кто-то мимо проходит, в упор не замечая очевидного. Потому что нет у него соответствующего органа для восприятия! Нету, и все!

– То есть?.. Вы верите, что тайное сакральное знание существовать может? – спросил слегка сбитый с толку Гриша. И похлопал себя по карманам в поисках новой папиросы.

– Не знаю, – пожал плечами Герасимов. – Честное слово – не знаю, Гриша! Я только пытаюсь рассуждать... Пойдем-ка!

Папиросы так и не отыскались; пустая пачка была выброшена в ведро минут пятнадцать назад, о чем Гриша напрочь забыл. Оставив в покое карман, он послушно зашагал за своим старшим коллегой.

Покинув курилку, они миновали лестничный пролет, вышли на улицу, проскочили через тесный дворик с парящимися на солнце лужами и, открыв тяжелую железную дверь, нырнули в длинную кишку коридора того корпуса, где располагалась их реставрационная мастерская.

– Помнишь, о Брюсе говорили? – спросил Михал Михалыч. – Я тут кое-какие справки навел. Интересная картина вырисовывается. Конечно, большая часть всех этих слухов и басен о нем – ерунда, суеверия... Но при всем при том – дыма без огня обычно не бывает. Ведь надо понимать, что все эти побасенки рассказывали люди самые простые, не только ограниченные в плане образования, но и зачастую лишенные фантазии. Выдумать какую-то небывальщину – дело не такое простое. Отнюдь не все Брюсовы чудеса поддаются нынче объяснению. Очень много загадок и совершенно непонятных вещей... Ну вот, скажем, созданная им «цветочная женщина». Вот, вот тут... – Михаил Михайлович полистал свою записную книжку и, найдя нужную страницу, зачитал: – «Известное лицо прельщает он диавольскими прелестями и различными нечестивыми приманками, как-то: для какого-то особого праздника в Ассамблее вывел он цветочную женщину, плясавшую со всеми, будто живая, а по истечении срока сгнула, увяла, будто не было никогда». Вот что бы это такое? Галатея?

– А что такое Галатея? – спросил Гриша.

Михаил Михайлович, усмехнувшись, пожал плечами.

– А вот еще: «В усадьбе своей, в Глинках, разбил сады в замысловатом ученом стиле и как-то, собрав гостей, увеселил публику особым катанием сперва на лодках по пруду, а через час – на том же пруду – катанием на коньках среди лета». Я, Гриша, обсуждал это с физиками. Кое-кто из них говорит, что в принципе такой фокус-покус возможен, суть будто бы в особом способе сохранения придонного льда... Но это чисто теоретически. А практически – никто не берется повторить! Но Брюс как-то это сделал?

– М-да... Замысловато!

– И Брюс весь из таких замысловатостей. Он еще примечателен тем, что на него доносы, как ни странно, и после его смерти писали! Уж очень боялись колдуна. Когда он скончался у себя в Глинках в 1735 году – а удалился он в свое имение еще в 1726-м, через год после смерти царя Петра и задолго до падения своих покровителей и друзей, и все свое время в течение девяти лет целиком посвящал науке, – так вот, смерть его вызвала слишком много вопросов у московских властей... В народе даже легенда распространилась о смерти Брюса. Говорили, что он перед смертью отыскал-таки эликсир Вечной жизни. Причем проверил действие эликсира на своем слуге, Сидоре Ивашове: сперва изрубил его в куски, затем сбрызнул эти куски мертвой водой, отчего они срослись, сделавшись снова единым целым, а после побрызгал живой водой. И Сидор ожил, сделавшись моложе и здоровее. После опыта Брюс велел и над ним

подобную же операцию произвести. Но слуга то ли оробел, то ли нарочно sluкавил: на куски тело Брюса разрубил, а банку с эликсиром разбил. Поэтому хоронили Брюса не в гробу, а будто бы в бочке...

– Ну уж это точно – сказки! Живая и мертвая вода... Конек-Горбунок! – сказал Гриша. Михаил Михайлович хмыкнул.

– Да оно конечно. Но для современников это были мелочи. Самое страшное обвинение, которое выдвигали они против Брюса, – другое. Почему они все его боялись?.. А ему принадлежала Черная Книга! Которую, по слухам, он замуровал в стенах своей Чертовой башни. Одно время в народе ходили по рукам списки Брюсовых сокровищ – после его смерти все эти предметы должны были перейти в ведение Российской академии наук, но странным образом большинство их затерялось... Будто бы. Вот тут кое-что названо: «Вещи, оставшиеся после него, много людей стремились приобрести, а по моему разумению, такого добра желали они себе на горе. Ни на что, кроме как на чернокнижие, оно не годится. Упомянуты в списках: книжица, таблицами, тайными буквами выписанная... зеркало, показывающее покойника за 100 лет вживе, одежду его и походку, образ говорящий и на все вопросы отвечающий день, после пропадает... книга, писанная волшебными знаками, которой бесы служат... Сочинения «Шестокрыл», «Воронограй», «Остроумий», «Зодий», «Алманах», «Звездочет», «Аристотелевы врата»... «Заговоры и приговоры, прорицания и предсказания»... А особо Черная Книга, писанная письменами волшебными, существующая от начала мира, а написал ее сам Змий, от коего перешла она к Каину, от него к Хаму, на время потопа прятали ее в камень Алатырь, и была она после и в проклятом Содоме, и у царя Навуходоносора, и всюду сеяла гибель людям, ибо тот, кто ее получает, исполнит все свои желания и весь мир обретет во власть, и судьбу, и все, что было и будет, узнает.

А Черную Книгу эту колдун Брюс выкупил у арабов и спрятал до поры в стенах своей башни, заклата она колдовскими заклятиями на девять тысяч лет...»

– Весь мир во власть?! Все, что было и будет, узнает?! Ну, Михал Михалыч, это слишком!

– Да, что слишком, так это точно! Замашечки у него те еще были... Достоверно известно, что Брюс изобрел какой-то вечный календарь, регулярно издавал его и печатал в нем довольно точные астрологические прогнозы... Современники со страхом отнеслись к подобному новшеству. А что касается предсказаний...

– Вы что, Михал Михалыч, в бесов поверили?! – с упреком произнес Гриша. Он заподозрил, что руководитель разыгрывает его. Но Михаил Михайлович говорил с абсолютно серьезным видом:

– Бесы? А что бесы? Бесы – это понятно!.. А вот как ты объяснишь «зеркальце, которое покойника вживе» показывает? Известно, что царица Анна Иоанновна, которая Брюса весьма уважала и даже в чем-то советовалась с ним, умирая в 1740 году, за день до смерти общалась со своим двойником. И тому были прямые свидетели – ее приближенные слуги и царедворцы. Встреча с двойником царицы весьма всех их напугала, но сама властительница объяснила дело так, что будто бы говорила она «со своей смертью».

Михаил Михайлович глянул на Гришу: его сотрудник сидел застыв, выпучив глаза и задрав брови. Двойники ввели Гришу в ступор.

– Но еще поразительнее, – вкрадчиво сказал шеф, – выглядит смерть Василия Никитича Татищева, достойного ученика и соратника Брюса.

– Татищев – это... историк?

– Историк, географ, инженер, предприниматель, государственный деятель, преступник поневоле... Благородная русская величина, которую одним словом не описать: богат талантами, яркая и крупная личность. Но в данной ситуации интересно то, как он умер. Кстати говоря, в судьбу он сам не верил. По крайней мере, не признавал ее и, соответственно, в предсказаниях толку не видел. Объяснял так: «Ибо если бы мы совершенно все приключения,

предписанные и неизбежные, разумели, то б не имели нужды жить по закону». По-моему, этими своими словами он открыто смеется над своими оппонентами – в частности, над самим Феофаном Прокоповичем, серым кардиналом, свято веровавшим в божественное провидение. Татищев дважды в своей жизни был под следствием за нарушение закона, поскольку дважды Бирону, любимцу Анны Иоанновны, не угодил. Но то, как Татищев умер...

– И... как?

– А вот как: 14 июля 1750 года, посетив церковь, пошел на погост, где повелел вырыть себе могилу. После чего привел в порядок все свои дела, попрощался с родными и близкими и 15 июля 1750 года, то есть на другой день, лег... и умер.

– То есть... он знал... день своей смерти?

– Получается – знал! – развел руками Михал Михалыч. – Вопрос: откуда?

– Действительно, – пробормотал уязвленный Гриша. – А нам откуда знать?..

– Да, – заметил Михал Михалыч, – и боюсь, нам уже никогда не узнать... Дело в том, что Сухарева башня рухнула.

– В смысле?

– Да вот...

Михаил Михайлович наклонился вперед и поведал громким шепотом:

– Я, Гриша, не случайно задумался о тайном, сакральном знании. Я как-то не склонен считать себя умнее других... И в некоторых случаях просто делаю выводы из очевидных предпосылок. Особенно если предпосылки так и лезут в глаза...

Есть документы и свидетельства современников о Брюсе. Многие вещи в его жизни не просто известны, а достоверно известны. Вот, например, радиальную структуру Москвы когда-то создавал именно Яков Брюс – астролог, член тайного магического общества, адепт магии черной и белой... Нептун. Двенадцать проспектов-лучей, сходящихся в центре столицы, знаменуют собой двенадцать зодиакальных зон. Колдун и чародей Брюс полагал, что только такая структура спасет Москву от частых пожаров и укрепит город перед лицом врагов. Помимо прочего, известно, что Брюс составил когда-то карту московских земель, указав на ней все проклятые места, на которых строить ничего нельзя, а также места концентрации магической силы, где, напротив, рекомендовал возвести особые здания, наподобие египетских пирамид. Дабы Москва усилилась и сделалась неприступною для нападений извне.

И еще я слышал, что руководство нашей страны – главные лица, понимаешь, Григорий? – намерены Брюсовы секреты... использовать.

Вот почему Сухарева башня – Чертова башня Брюса – рухнула в 1934 году. В Москве шептались на всех углах, что кое-кто собрался завладеть сокровищами колдуна и в особенности – его Черной Книгой... В поисках вечной жизни и всякой магической премудрости. Вот оттого и сработало, дескать, страшное Брюсово заклятие.

Я выяснил детали. Башня рухнула в июне тридцать четвертого...

Собственно говоря, ее давно назначили к сносу. Из стен башни вывезли Коммунальный музей Москвы, который там располагался. Сотрудников музея выселили из квартир, находившихся прямо в древнем здании. Предупредили все службы и людей...

В опустевшей башне возились последние рабочие – говорят, будто бы снимали старинный дубовый паркет. И тут она рухнула. Погребла под обломками шестерых человек.

Их жизни будто бы принесли в жертву... Проклятие Брюса? Проклятие Черной Книги?..

Заметь: очевидцев особенно удивила скорость обрушения башни. В считанные секунды высокое, внушительное и еще прочное строение сложилось, словно карточный домик. Разлетелось в пыль, оставив после себя груды кирпича. На развалинах органы проводили следствие, но причины обрушения так и не выяснили. Хотя разобрано было ими все буквально по кирпичику.

– Нашли? – спросил заинтригованный Гриша.

– Что? – не понял Михаил Михайлович.

– Черную Книгу!

– Не знаю. Но если я прав, все сведения о такой находке все равно будут засекречены.

– Тайное знание?

– Тайное, да. Сакральное. – Михаил Михайлович вздохнул. – Ну что ж, по домам, что ли?

– А я тут еще посидеть собирался, – сказал Гриша. – Леночка сегодня на вечернем учится, так что...

– А, ну-ну! А я, пожалуй, пошел. Опять сегодня голова зверски болит...

Проводив шефа и закрыв за ним дверь, Гриша прошел к огромному столу, погребенному под кучей коробок, бумаг, инструментов, и осторожно потянул на себя кусок дерматина, которым были накрыты куски и обломки костей, представляющие собой объект № 315.

– Брюс, Брюс. Вот, значит, как? – прошептал Гриша. – Сакральное знание...

Завороженно уставившись на останки чародея, он взял в руки промывочные кисти и аккуратно приступил к очистке. Проработав около часа, Гриша захотел встать и выкурить для разнообразия папиросу. Но едва он поднялся на ноги и сделал шаг, как голова у него закружилась и вся комната поехала, будто на карусели.

Гриша рухнул на ближайший стул и попытался уgomонить взбунтовавшийся организм. Головокружение не проходило, его подташнивало. Как будто он не находился на твердой земле, а болтался где-то в море... Или в воздухе.

Когда перед глазами все в очередной раз завертелось, Гриша смиренно опустил глаза и уронил голову на грудь.

– Брюс... Колдун...

Толстые кирпичные стены института почти не пропускали звуков, а окна в двойных рамах выходили на малолюдную улицу. В комнате царила глухая и вязкая тишина, от которой становился слышен стук крови в виске.

Из ближайшей стены выступил вдруг старик в белом напудренном парике.

Высокий, жилистый, крепкий... Скрипя мослатыми коленками, он шагнул вперед и стал подниматься по винтовой лестнице, все выше и выше. Добравшись постепенно до самой кручи, он отворил крохотную дверцу в стене и вылез на шаткую обзорную площадку, распугав примостившихся на крыше галок. Навстречу ударил ветер. Яростный, бесцеремонный. Колючий, ледяной... Ветер рвет с плеч ветхий камзол, но жилистый старик упирается. Он оборачивает назад искаженное коричневое лицо и страшно оскаливается...

– Тайное знание?! Правители интриганы, для них оружие – тайна и тайны – оружие... А для человека превыше всего – знание! Знание человеческое как башня – растет, растет, строится по кирпичику. А не все подряд можно доверить людям. Иначе оно им самим станет проклятием... Человек нужен умный, чтобы воспользовался не во вред... Эх, есть ли где достойные таких секретов, такого оружия, какое имею?! Знай, отрок, – сверля грозным взглядом Гришу, прогрохотал чернокнижник, – до тех пор, пока хоть один камешек возведенной мною башни сидит в московской земле, могу я в любой момент вернуться! Смерть моему служению – не препятствие. И в том главная моя тайна.

«А в чем служение-то?» – хотел спросить Гриша. Он обдумывал, как объяснить старику, что никакой такой его башни в Москве уже нет, так что напрасно рассчитывает Брюс на свободное возвращение...

Но тут что-то толкнуло его в плечо, и он проснулся.

В окно мастерской било яркое апрельское солнце.

Над Гришей с задумчивым видом нависал Михаил Михайлович Герасимов.

– То есть ты так и ночевал тут на стуле? Ничего себе! А у нас новости...

– Какие? – протирая заспанные глаза, спросил Гриша.

– Объект 315 у нас забрали.

– Какой объект? – не сразу сообразил Гриша. – Это что, Брюса, что ли? Кто? Зачем? Почему?!

– А вот никто мне ничего не объяснил, – хмуро ответил Михаил Михайлович. – Пришли люди, потребовали, предъявили бумагу. Один был в военной форме, генерал-майор, двое других – в штатском. Кто, откуда – ничего не известно. Говорили, что вроде бы для захоронения берут... Но что-то не очень мне в это верится – с таким почетным эскортом да на кладбище? Генерал-майор... Представляешь?

* * *

– Ну, здравствуй, Чертова башня! Не воскрес ли, чародей Брюс? Где твои секреты, чернокнижник? Где тайное знание?

Бормоча себе под нос, седовласый старик оглядывал древние своды. Главный инженер и менеджер по снабжению переглянулись. Инженер тихо присвистнул.

– Вот именно! – согласился менеджер, пожимая плечами.

Далеко, у черта на куличках

Ивановский монастырь

Считается, что каждую минуту в мире происходит битва между силами Добра и Зла. Можно верить в это, можно не верить.

Но в долгом течении истории иногда удается заметить, что некоторые местности словно бы специально созданы, чтобы послужить полем битвы этих противоположных сил. Как на утоптанном конями ристалище, схватываются там в поединке Добро и Зло.

Есть и в Москве подобное сакральное место – небольшой участок земли возле бывших Варварских ворот Белого города. Далеко, у черта на куличках...

1.

Осенью 1666 года появилась в Первопрестольной нечистая сила. Удивляло не то, что нечистая, а место, где она посмела явиться.

За Варварскими воротами у Ивановского монастыря при церкви Кивра и Иоанна на Кулишках стояла тогда нищепитательница, проще говоря – богадельня. Жили там в призрении и молитвах старухи, сироты и калеки – народ смирный, спокойный.

Вот там-то, как сообщают хроники, и «запустил некий чародей невидимого демона» в стены святой обители. По ночам в богадельне сами собой выпадали из окладов иконы, по стенам бежали огненные всполохи, так что и крыша не единожды занималась огнем. А среди дня, случалось, камни ни с того ни с сего выпрыгивали из стен.

Убогим от нечистого ни покоя, ни житья не стало. Еженочно орал черт богохульства, кощунствовал, кукарекал в уши спящих, скидывал старух с постелей, всевозможные злые козни и пакости строил. Одним словом, беспредельничал.

Бросились монахи Ивановского монастыря гонять демона святой водой, ан не тут-то было!

В издевку над православными окаянный демон принялся обличать монахов-черноризцев в их собственных грехах, да притом настолько про каждого самую срамную подноготную знал, что присутствующие на отчитке в краску впадали.

А черт после отчиток еще сильнее озлился и задиковал. И уже таких дел наворотил, что слухи до самого царя дошли.

Алексей Михайлович, царь Тишайший, тревог и хлопот имел в то время через край: в столице готовился церковный собор для низложения патриарха Никона, инициатора и главного виновника раскола православия на Руси; в Москву прибывали вселенские патриархи. А в Первопрестольной такое позорище творится?..

Царь прибегнул к посильному средству: вызвал для борьбы с демоном человека, о котором говорили, что даровал ему Господь за праведность «прозорливость и власть над нечистыми духами».

Человек тот был иеромонах Илларион, игумен Флорищевой пустыни, что под Суздалем.

* * *

В Москву прибыл он в начале ноября. Одетый просто, с суровым и неулыбчивым лицом, явился Илларион поздно вечером ко двору Ивановского монастыря. Сопровождали иеромонаха два молодых инока – Иосиф и Марк.

Иосиф, совсем юный парнишка, пугливо оглядывался на монахов, пришедших с любопытством потаракаться на царевых чертогонителей. Лицо инока Иосифа покрывали и веснушки, и прыщи, за что и получил он немедленно кличку от насмешливых собратьев – Рябик.

Удивившись столь несолидной делегации, монахи настойчиво расспрашивали иноков и самого Иллариона, пытаясь дознаться: каким способом намерены они действовать? Чем хотят черта унять?

– Божьим словом, – спокойно отвечал Илларион. Он устал с дороги, но расспросы монахов его не затруднили и не смутили.

Монахи, уже имевшие дело со здешним чертом, предупредили:

– Знайте, братья, демон первым делом у вас все лампадки и свечи потушит! Есть ли у вас с собой огниво или кресало?

– Божье слово само как огонь жжет, – усмехнулся Илларион.

Но юный отрок Иосиф Рябик испуганно вскинулся: он до смерти боялся темноты. Ивановские монахи его страх заметили и тут же начали насмешки строить:

– Тю, воители! На что привели такого пугливого?

Но Илларион насмешников оборвал:

– Отведите нам келью в богадельне и всех, кого демон смущал, заберите оттуда. Чтоб никого, кроме нас, в доме не осталось.

Расспросил заодно: не было ли в богадельне бесноватых? От кликуш часто и приходит нечистая сила в дома и даже в святые обители. Оказалось, последняя здешняя кликуша умерла за три года до появления демона. А других, ей подобных, не имелось.

– Ну, ведите! – приказал Илларион.

Монахи, пожав плечами, отвели путников в опустелую богадельню и двери заперли на ночь.

Илларион первым делом вынул из заплечного узелка икону Владимирской Богоматери, установил ее в красном углу кельи; заправил маслом лампадку и зажег, и еще три свечи освещенные рядом прилепил. Псалтырь, молитвослов и Евангелие разложил на деревянной подставке, чтобы удобно было читать.

В богадельне воцарилась гулкая тишина, разве что мыши по углам шебуршились. Оконца кельи, забранные решетками, едва серели в сумерках, почти сливаясь с чернотой теней.

Трое монахов подкрепились небогатой снедью. Утолив голод, стали на молитву.

Прочли каноны Иисусу, Пресвятой Богородице и ангелу-хранителю; пропели акафист, прочли спальную молитву...

Инок Иосиф Рябик уже было возрадовался: пришло ему в голову, что дьявол нынче не объявится, а может, и вовсе испугался нечистый преподобного Иллариона?!

Рябик сильно устал, и больше всего хотелось ему поскорее заснуть. Инок Марк, стоя рядом, украдкой зевал уже во весь рот, мечтая тоже прилечь и отдохнуть с дороги.

Илларион читал по памяти последнюю положенную перед сном молитву – пустынное правило...

И вдруг что-то взвизгнуло, застучало по деревянным полам, загромыхало в пустых коридорах.

Илларион вздрогнул. Марк побелел от страха, а инок Иосиф задрожал как лист. От дрожи у него и зуб на зуб не попадал, и слова молитвы на ум не шли.

– Ты ли, монашек, прогнать меня пришел? – раздался сзади чей-то голос. – Иди же ко мне. Вот ужо расправлюсь с тобой!

Иосифу показалось, что голос, высокий и противно-скрипучий, шел прямо из стены за его спиной. Спина отрока сразу отяжелела, будто свинцом налилась, сделалась чужой.

А голосок хихикнул и снова позвал:

– Эй, монашек! Иди же ко мне! Расправлюсь с тобой.

Что-то свистнуло, ухнуло, завопило; сырым ветром мазнуло по лицам – враз и лампадка, и свечи погасли!

Перепуганный Иосиф вообразил себя уже в аду: до того горячо сделалось внутри; ребра жгли бока, словно уголья, сердце колотилось, а во рту пересохло так, что губы не разлепить! В полной темноте он услышал: обрушилось что-то рядом с ним и кто-то схватил его сзади за волоса. «Конец мне теперь», – подумал Рябик.

Но зазвучал из темноты твердый спокойный голос Иллариона: стойко продолжал монах читать молитвы.

Позади Иосифа зашипело; невидимая рука убралась, оставив в покое иноковы волосы.

Одна свеча возле иконы затеплилась сама собой – оказывается, пламя ее не потухло, а всего лишь дрогнуло на мгновение от порыва ветра. Илларион твердой рукой взял эту устоявшую свечу и зажег от нее лампадку и две другие свечки.

В мерцании пламени монахи увидели, что инок Марк валяется на полу с закаченными глазами. Из-под прикрытых век пугающе торчат белесые глазные яблоки, а голова инока сочится кровью, разбитая, видно, камнем, выброшенным из стены.

Не переставая читать молитвы, одну за другой, Илларион осмотрел голову Марка, убедился, что раны его не глубоки (камень острым краем только расцарапал кожу), и указал знаками Иосифу: надо уложить побитого на полати!

В ушах у Рябика шумело; к горлу подкатывала тошнота; мстилось – еще немного, и он скончается от ужаса. Но Илларион, не отводя глаз, смотрел на него в упор, и взгляд его был тверд, ласков и спокоен – словно рука, подающая помощь.

Иосиф обхватил лежащего в обмороке Марка за плечи и вместе с наставником, который не прекращал молитвы, взгромоздил тяжелое тело на полати.

Илларион читал до самой зари; Марк спал, оглашая богатырским храпом стены обители, а Иосиф Рябик пребывал на границе полусна-полуяви, с вытаращенными до боли глазами, опасаясь заснуть, жгучим огнем горя и одновременно в полной бесчувственности. Когда настало утро и угроза встречи с демоном миновала, он просто свалился на пол кельи, будучи уже без сил, и немедленно заснул.

Илларион лег отдыхать с криком петухов.

А на другую ночь демон, казалось, будто бы даже усилился...

Несмотря на то что инок Марк, очнувшись от потрясения, встал со своего ложа и, верный долгу, читал молитвы вместе с Илларионом – хоть и слабым голосом, но все же вторил наставнику, – на этот раз демон при чтении Святого Писания не замолкал, а продолжал вопить, бесчинствовать и разговаривать с монахами. Разговоры эти более всего удручали несчастного Рябика.

Бедный инок, хоть и выпался, и наелся вволю, сколько позволяли церковные обычаи, чувствовал себя на грани жизни и смерти.

Особенно же обидно, что сам он на этот ужас напросился.

Накануне Илларион его спрашивал:

– Ну что, отрок, выдержишь духовный бой?

Рябик только кивнул в ответ. Не признался Иллариону, каково ему приходилось: а вдруг наставник возьмет да и отошлет от себя? А здешний черт, по слухам, привязчивый – не ровен

час, прицепится?! И добьет тогда Рябика в одиночку. С бесовскими силами такое бывает – пристанут к тому, кто послабее... Это им, нечистым духам, на доблесть.

Оказаться же с демоном наедине, без своего почитаемого и горячо любимого наставника, который Иосифу приходился почти что заместо отца, – о таком ужасе Рябик и помыслить не хотел! Он предпочел остаться в обители: пускай с чертом, но зато уж и с Илларионом вместе. И будь что будет!

Стоя на молитве рядом с иеромонахом, не чуя под ногами земли, отрок едва шевелил сухими губами, повторяя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, грядый судити живых и мертвых, помилуй нас, грешных, прости грехопадения наши, и имиже веси судьбами, сокрый нас от лица Антихриста в сокровенной пустыне спасения...»

– А за голыми девками в бане подглядывал? – спросил, пришепетывая, демон прямо в ухе Иосифа, будто там себе новое гнездо свил. – Я знаю: подглядывал!

Иосиф сбился и, заглотив слюну, промолчал. Самое ужасное: Илларион с Марком ничего не услышали. Читали себе по-прежнему, без запинок, будто так и надо. Неужто нечистый разговаривает теперь только с ним, с Рябиком?!

– Ну что ж ты сробел? Иди ко мне! Я тебя приголублю...

Пылая лицом и замирая от ужаса, Рябик почувствовал, как кто-то мягко прижalsя к его левому боку. Боясь отвести глаза от пламени лампадки и чистого лика Богоматери, дрожащей рукой попытался он оттолкнуть то, что навалилось на него. Пальцами нащупал... Мать честная! Голая человеческая нога! А вдоль нее – длинная коса свисает. Девка... невидимая! От такого открытия инок чуть на месте не помер.

А голая невидимая ведьма принялась беззастенчиво елозить ногой по иноческим костлявым мощам, горячо нашептывая какие-то срамные невообразимые слова...

И никто ее не чуял, кроме Иосифа!

– Изыди, – собравшись с силами, прошептал Рябик. – Оставь меня, говорю, оставь!

Пихнул невидимую рукой да угодил во что-то липкое, страшное. Кровь не кровь, какая-то жижа болотная... Под рукою захлупало.

– Уйди, брысь от меня!!! – заорал в ужасе Рябик.

– Ой, плакса! Ну и плакса! – пропищал за его спиной голос.

Страшнее всего был он для инока Иосифа – такой явственный и такой НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ... Бесовский.

Иосиф закрыл глаза и, едва удерживаясь на ногах, попытался вторить товарищам: «Господи, иже еси на небесех...» И сбился.

Демон захохотал; громовые раскаты хлестнули по стенам; мигом со всех сторон посыпались на монахов камни. Пovyпрыгивали из стен и, со свистом рассекая воздух, летали, едва-едва не задевая лиц.

– Убьет же! – уворачиваясь от камней, взвизгнул Марк щенячьим каким-то голоском.

– Стой!!! – перекрывая шум, крикнул Илларион и схватил за руки обоих иноков. И вовремя: они готовы были уже сорваться с места, убоявшись каменных снарядов.

– Крепко стойте оба, ничего не бойтесь. Слово Божие сильнее всего! – сказал Илларион и принялся креститься и класть земные поклоны.

Внезапно из темного угла кельи выскочил черный кот и, подкатившись под ноги монаху, завертелся возле колен, мешая ему кланяться и креститься.

Иноки оторопели: откуда в закрытой наглухо богадельне взялся коту?

Животное, словно порожденное ночной темнотою, вело себя нагло и дико: кот разбежался и с наскоку поддавал под колени Иллариону, визжа и рыча, пытался сбить монаха с ног; забегал, подставляя кланяющемуся свой зад с задраннyм хвостом...

Но невозмутимый иеромонах, осеняя себя крестом, не останавливал ни молитвы, ни поклонов: стоял, крепко уперевшись ногами, словно железная скала, – откуда только силы бра-

лись? Нагибаясь в земном поклоне, вытягивал руку и отшвыривал от себя настырного зверя; тот улетал с мявом, но тут же со злобным шипением кидался обратно...

Марк, завидя стойкость Иллариона, воспрял духом и тоже начал молиться, креститься и кланяться Богородице. Иосиф же только шептал молитву, не понимая слов. Перед рассветом тьма всего сильнее, и ему казалось, что эта тьма, стусившись, лишает его разума.

Он не увидел, как первый солнечный луч озарил келью, – упал бездыханным, лишившись чувств.

* * *

– Чего ты боишься? – спросил Илларион.

– Тьмы боюсь, отче. Зла.

– Тьма есть отсутствие света, отрок. Зло есть отсутствие добра – пустота оно, понимаешь? Демон существо пустое, от слабостей наших питается. За счет наших грехов живет. Если же в твоей душе твердо добро поставлено – никакое зло ничего с тобой поделаться не сможет. Пойми же: чего ты боишься? Добро поистине существует, а зла на свете вовсе нет, ежели есть добро и любовь! Прежде всего – в тебе самом.

Иосиф смотрел в светлое лицо своего наставника и согревался теплотой его взгляда. С Илларионом ему было не страшно – спокойно и даже весело. Но это ведь он, Илларион, такой.

«А я – что? – думал. – Я мелкая сошка. Так, плевок собачий...» В нем и не поместится никогда доброта, такая как у Иллариона – бескрайняя; мужество, такое как у Иллариона – стальное; знание, как у Иллариона... Куда ему, несчастному Рябику, до своего наставника? Его даже совсем мелкие сопливые пацаны за веснушки дразнят... Откуда бы в нем великому взяться? Нет. Вот пустоты много. Пустоты, тления, праха могильного, ужаса... Тьмы. Эх, проклятье! И что поделаться ему с подлой трусливой натурой?!

– Если не справишься с собой – демон и нас с Марком погубит, – сказал Илларион. – Сегодня, думаю, все решится: или мы его победим, или он – нас.

* * *

На третью ночь заготовили Илларион с Марком все для обряда водосвятия. Монахи из храма святой воды нанесли побольше, чтоб хватило каждый кирпичик в богадельне окропить.

Труд предстоял немалый: обойти все коридорчики, кельи, келейки, кладовые, во все углы заглянуть, молитвы на порогах отчитать и каждую пядь в убогом доме свяченой водой сбрызнуть.

– Ну, иноки, сделаем так: на первом пороге вместе молитвы отчитаем, а там разойдемся каждый в свою сторону, но не дальше семи шагов, чтоб и слышать, и видеть друг друга. Дверей нигде не закрывайте, молитесь неустанно и вслух, и безмолвно, как в пустыни вас учили. Но главное: не бойтесь беса – от веры и бесстрашия он слабеет.

Так сказал Илларион и ободряюще улыбнулся инокам.

Встали они трое на пороге длинного и холодного сводчатого коридора, что начинался прямо от дверей богадельни, и отчитали защитные молитвы. Илларион начал обряд водосвятия, сунув кропило в ведро и размашисто покрестив воздух перед собой: свят, свят, свят!

Капли святой воды оросили лица; Иосифу, несмотря на все его страхи, сделалось весело. Ему всегда нравилось водосвятие; нравилось вздрагивать и ежиться от прохладных водяных брызг. Он представил, как сейчас во всех темных углах будут окачены водой бесы, как им мокро, зябко и неуютно делается в их насиженных местах. Да и вода-то не простая – святая! От крещеной воды у бесов корчи.

Иосиф чуть не рассмеялся своим мыслям. Но Илларион строго глянул на него: не отвлекайся! Продвинувшись вперед по коридору, они встали напротив первых трех келий и отворили их двери. Марк встал на пороге той, что слева; Илларион выбрал правую, а Иосиф, подавляя неуместные смешки, отчего выходило в его горле какое-то бульканье, прошел на семь шагов от Иллариона и, сделав еще шаг, встал тоже справа.

– Отче наш... – начал Илларион и едва руку с кропилом поднял – пронесся по коридору вихрь. Взметнулись и хлопнули одна за другой все двери; засовы, их запирающие, отскочили. Понесло паленым из каждого угла. Завыло, засвистало, застонало вокруг так, что Иосиф зажал уши – показалось, что от гадостного непотребного звука голова его треснет, словно гнилая тыква. Выронил он свое кропило; нагнулся, чтобы поднять, но только лишь повернулся спиной, как дверь кельи перед ним распахнулась и что-то рывком вдернуло его внутрь, в полную темноту.

А едва он оказался там – дверь захлопнулась.

С разгону налетел Иосиф на стену лбом, треснулся, да и осел кулем на пол, потеряв сознание.

Очнулся в полной темноте. Сколько пролежал он бездыханным: день? два? минуту? Неизвестно.

В густой чернильной тьме не слышал он ни единого звука. Пахло только чем-то сырым. Так земля в погребе монастырском пахнет: прелостью, гнильцой.

«Где я?» – думал несчастный Рябик и ничего не мог сообразить. Может быть, замурован в стене живьем. Похоронен заживо. А может, и вовсе – умер? И помещен в аду...

От таких страшных тоскливых мыслей Рябик чуть не взвыл. Да вовремя спохватился: не ровен час, ответится ему тут неизвестно что, лучше не рисковать. Не выдавать своего присутствия. Рябик постарался даже дышать тише; тут только и осознал, что, наверное, все-таки еще жив. Во-первых, он дышал. Во-вторых, кожа на лбу саднила страсть как! Еще и дергалась. Пощупал лоб – шишка. Здоровенная, должно быть, гуля. Это ж он на стену лбом наскочил.

Ох! Вот и наказан Рябик за все грехи свои (ведь и правда в бане за девками подглядывал, ирод!). Говорил Илларион: держаться не далее семи шагов. Что теперь делать-то?!

Как Иллариона искать? Марка? А вдруг...

Глупый инок Иосиф по прозвищу Рябик еще много страхов успел бы себе напридумать. Но, к счастью для него, в этот миг дверь озарилась по краю теплым мерцающим светом, и в темную келью со свечой в руке вступил Илларион.

– Иосиф, ты тут?

Ничто на свете не могло бы утешить Иосифа скорее, как только вид этой знакомой ему высокой фигуры в клобуке. При виде Иллариона Рябик расплылся в бестолковой улыбке и залился, горемыка, беззвучными слезами. От счастья.

– Я тут... Я только кропило обронил...

– На тебе твое кропило, – проворчал Илларион и сунул кропило Рябику в руку. – Экий ты плакса!

– А где Марк? А, отче? – спросил Иосиф, поднимаясь с колен, хлопая носом и вытирая рукавом бегущие слезы. – Где Марк? С вами-то как, обошлось? А, отче?

– Люблю, когда ты так говоришь! – сказал Илларион. И, повернувшись лицом к иноку, поднял свечу повыше, осветив себя. – Скажи-ка еще!

– Что сказать, отче? – не понял Рябик.

Глаза наставника полыхнули в неверном пламени свечи. Отец Илларион усмехнулся.

Ничего страшнее этой ухмылки Рябик в своей жизни ни тогда, ни после не видел.

Рот отца Иллариона внезапно треснул, словно разошелся по швам; рваные края широко раздвинулись, с хрустом отвалилась челюсть и повисла, качаясь, на кожаных лоскутах, но ни

одной капли крови не пролилось на землю. Внутри отца Иллариона оказалась бездна, черная пустота.

И это был, конечно, не отец Илларион перед иноком Иосифом Рябиком, это был сам отец лжи – Сатана. Невыносимо холодная, тягучая пустота изливалась из него на божий мир, скручивая, сминая, выдавливая до последней капли, до пустынной жгучей сухоты все живое.

– Из... из... из... – Рябик пытался прокричать Сатане нужное слово, но губы его не слушались. Он не говорил – он скулил и подвывал.

– Это ты меня, монашек, надеялся изгнать? Ну, иди ко мне. Иди же!

Сатана в образе Иллариона протянул к иноку руки – страшные, черные, покрытые колючей шерстью.

– Изыди! – закричал изо всей силы Рябик и замахнулся на нечистого своим кропилом.

Сатана захохотал:

– Кропи, кропи кровью! Будем с тобой кровью повязаны!

Рябик глянул и шарахнулся в ужасе: проклятый демон сунул ему в руки никакого не кропило, а оторванную человеческую руку, с длинных белых пальцев которой капала кровь.

Рябику показалось, что то была рука Марка. Осознание, что товарищ его, возможно, убит, наполнило Иосифа гневом. Марк погиб? Но он не мог бы погибнуть, если с ним был Илларион. Иллариону по велению Господа подчинялись нечистые духи! Значит, эта тварь уничтожила не только его товарища, но и любимого наставника. А виноват в их гибели именно он, никчемный Иосиф Рябик – он их предал! Предал не изменой, а слабостью своей пустой души, которая хуже измены, наверное... Хуже всего! Даже ада. Инок застонал. Ведь предупреждал его давеча Илларион: пустота!

– Боишься темноты? – кротко спросил демон в облике монаха. – Сейчас будет очень темно... Очень! Пожалей себя. Вот я задую свечу, и твое жалкое заячье сердечко лопнет со страху – я знаю! Ну что, хочешь перед смертью помолиться? А за свечку душу продашь? – И залился демон глумливым тоненьким смехом.

Яростный, горячий, непобедимый гнев волною взметнулся в груди Иосифа и захватил все его существо, наполнил по самую макушку, выплеснулся наружу и, бушуя, повлек его дальше и выше – выше собственной человеческой суги.

– Тьма есть только отсутствие света, – объяснил Сатане Рябик.

И, замахнувшись рукой мертвого Марка, перекрестил демона слева направо, разбрызгивая кровь:

– Изыди, проклятый!

Но это была не рука Марка. Это оказалось все же кропило со святой водой.

* * *

После той памятной для инока Иосифа ночи дьявол в стенах богадельни окончательно утратил силу. Он еще пытался обмануть Иллариона и монахов, затаиваясь на время или перебираясь со своими бесчинствами то в трапезную монастыря, то на конюшню. Но раз от разу делался слабее и ничтожнее.

Пять недель читал Илларион с иноками молитвы в стенах богадельни, пять недель противостояли они вместе бесу, и утих наконец проклятый, сдался. Илларион для полной уверенности прожил в стенах обители еще десять недель, а в мае покинул Москву, вернулся во Флорищеву пустынь вместе с Иосифом и Марком.

Вскоре после того хождения в столицу сделали Иллариона митрополитом Суздальским и Юрьевским, а спустя 12 лет он умер.

Над кротким и спокойным Иосифом, ходившим вместе с преподобным Илларионом на духоворство в Ивановский монастырь, собратья в пустыни долго подшучивали. Трудно было

поверить им, что такой робкий и слабый человечек вроде Иосифа Рябика может как-то внезапно все свои «страхи растерять», совершенно переменившись характером.

Потому что после Москвы Иосиф до удивления уже ничего и никогда не боялся. А на подначки светло улыбался, шурился в небо и отвечал просто:

– Где мои страхи? Да бросил! Далеко... У черта, на Кулишках.

2.

Ровно через столетие после сражения Иллариона с чертом Ивановский монастырь сделался местом заключения одного из самых страшных российских демонов, память о жестоко-стях которого не зажила и по сию пору.

Как ни странно, этот ужасный демон был... женщина. Да к тому же еще молодая и хорошенькая.

Дарья Салтыкова овдовела в 26 лет и сразу сделалась полновластной хозяйкой дома, богатой опекуницей двух своих сыновей.

Но ни молодость, ни богатство, ни знатность, ни красота не были ей впрок...

* * *

«Она»... Опять страшная «она»! С некоторых пор государственный землемер капитан Николай Андреевич Тютчев, человек отнюдь не робкого характера, с беспокойством замечал в себе нехорошие признаки какого-то расслабления воли. Впервые он оказался в столь странном и затруднительном положении.

Думать о «ней» было ему настолько мучительно, что он даже в мыслях запрещал себе произносить имя. Известное дело: скажи «черт» – тот и появится!..

А ему ох как не хочется, чтоб Дарья появилась! В особенности – после того случая...

Пребывая в хмуром настроении, Николай Андреевич удивлялся самому себе. Главное – ведь было бы что, а то – баба!

Когда речь шла о женском поле, brave капитан полагал, что искусством избавляться от надоевших любовниц он, как человек зрелый и опытный, овладел уже вполне. И уж на этом-то пути препятствий никаких возникнуть не может. Но с Дарьей Николаевной Салтыковой получилось неаккуратно.

Если уж разбираться, так это его собственное легкомыслие всему виной. Он поступил неосмотрительно, согласившись на близкую с нею связь. Одно время ведь он полагал, что это только на пользу будет его делам.

У самого капитана состояния серьезного не имелось. И когда дальний родственник, Иван Никифорович, женатый на родной сестре Дарьи Аграфене, познакомил капитана с соседкой, она, тридцатилетняя аппетитная вдовушка, Николаю Андреевичу понравилась. А что?

Женщина в самом соку, хозяйственная, родовитая... Почему бы и не жениться? А уж богатство ее заставляло весьма даже средние достоинства рассматривать с преувеличением, как бы сквозь зрительную трубу: симпатичная супруга – хорошо, ну а богатая – прямо красавица, куда как лучше!

Но после... Насторожила Николая Андреевича атмосфера в доме Дарьи Николаевны. Оба ее сына нежную матушку не любили: дичились и боялись, и это было заметно.

Таких угрюмых детей редко увидишь; казалось, они никому не доверяют. Как два звереныша, мальчишки избегали людей, стараясь не вступать в общение с редкими гостями дома. В семейство Салтыковых вообще мало кто был вхож, в основном только родственники да лица низкого звания, прислуживающие своей помещице мелкие чиновники.

С родственниками общались по необходимости, с чиновниками и священниками – по делу.

Скоропалительно вступив с предполагаемой невестой в излишне близкие отношения, заметил Николай Андреевич в этой внешне приятной набожной женщине черты странные, необъяснимые.

Характером госпожа Салтыкова оказалась тяжела. То, что на людях представлялось застенчивой скромностью, при близком общении обернулось нелюдимою замкнутостью и лицемерием, ревностное боголюбие – истеричностью и склонностью к мистике, женская пылкая горячность – дикими вспышками звериной похоти, отягощенной садистическим сластолюбием.

И была Дарья Николаевна чрезвычайно, не по-женски даже как-то, практична и деловита...

До жути.

Николай Андреевич вздрогнул от воспоминаний.

Припомнились ему лица дворовых людей и прислуги в доме Дарьи: таких запуганных, изможденных лиц нигде, даже в каторжном остроге, не доводилось ему наблюдать. Главное, что удивительно: всегда эти люди в движении, снуют по дому, крутятся, точно белки в колесе, постоянно и непременно при деле. Но ни на одном лице даже случайно улыбка не мелькнет; и тихо, как на погосте: во всей усадьбе ни шороха, ни звука без приказа хозяйки.

Вечно тоскливые глаза, пустые, даже мертвые какие-то. Ровно и не люди это, а тени в Дантовом аду. Томятся в вечном плену, где самим Сатаной утверждено: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!»

И посреди этого ада – хозяйюшка Дарья Николаевна. Тоже всегда чем-то занятая, деятельная, энергичная...

«Уж если хозяйка чего захочет – тут же ей вынь да положь. А нет – она все одно своего доколотится!» – тихо сказал как-то угрюмый кучер Салтыковой своему помощнику. Николай Андреевич эти слова случайно подслушал. Его тогда еще поразило это странное выражение – «доколотится».

А теперь вот ему доподлинно известно, чего Дарье Николаевне хочется «вынуть да положить» – его самого, Николая Андреевича Тютчева! И она уже дала знать, что от решения своего не отступит. Доколотится...

Случилось это почти сразу после того, как он объявил ей, что их «тесную и сладостную дружбу» вынужден прервать, ибо, следуя родовому долгу и под нажимом родни, скоро женится... Дарья Николаевна покраснела, вскинула на него глаза. Спросила:

– На ком?

– Девица здешняя одна, из дворянского рода, – уклончиво ответил Николай Андреевич.

Дарья, набычившись, смотрела на неверного любовника и стекленела взглядом... Он ждал бурной реакции, вспышки, но ничего не последовало. Выслушав оскорбительное известие, брошенная любовница промолчала. Это тоже было неприятное свойство богатой вдовы: никогда Николай Андреевич не мог предугадать ее поступки и поведение.

– Так что... Вынужден теперь откланяться. Прощайте, Дарья Николаевна. Не поминайте лихом...

Капитан растерянно потоптался на месте и ретировался в сторону дверей. Под взглядом вдовы ощущал он себя крайне неудобно.

Она так и не произнесла ни слова. Но когда экс-любовник был уже на самом пороге, он случайно встретился с нею глазами, и... холод пробрал его до костей: Дарья Николаевна ухмылялась, глядя ему вслед. Весьма зловещая была гримаса.

А спустя три дня после того, ночью, он внезапно проснулся у себя в спальне – думал, что от жары и духоты... Поворочался с боку на бок, скомкал потные простыни, зажег свечу и...

едва сдержался, чтоб не заорать от ужаса: прямо перед ним возник черный силуэт с горящими как уголья глазами.

Силуэт была Дарья Николаевна. Одета во все черное, стояла она посреди холостяцкой спальни, словно могильный призрак, могущий проникать сквозь стены.

Николай Андреевич перекрестился и ущипнул себя за щеку: надеялся проснуться. Не удалось.

Призрак ухмыльнулся:

– Я знаю, на ком ты жениться собрался. На Пелагее Панютиной... Мне донесли.

– Да... да... Дарюшка? Зачем ты здесь? Зачем? – спросил капитан. Язык к гортани присох, сердце едва не выпрыгивало из груди.

– Это ты, Николушка, скажи – зачем. Зачем тебе эта худосочная потаскуха без роду, без племени? Без приданого...

– За нее имение дают. У меня же, как ты знаешь, ничего...

– Знаю. На мне женись. У меня денег куры не клюют, а имений – в полгода не объехать...

– Дарья Николаевна, это мезальянс. Твоя родня против меня будет. Да кроме того, альфонсом быть не желаю! – рассердился Николай Андреевич. В чем, в чем, а в сердечных делах оправдываться капитану еще ни разу не приходилось.

– Значит, любовницей – можно, а в жены взять – мезальянс?! – грозно спросила Дарья Николаевна. Тяжело дыша, она поджала губы и сделалась похожей на злобного хорька: зубы выдались сильно вперед, лицо пошло пятнами, руки сжались в кулаки.

Николай Андреевич промолчал, ошарашенно наблюдая страшную метаморфозу: куда девался миловидный облик его бывшей «возлюбленной»? Перед ним была мегера, настоящая ведьма. Нечто, с женским полом уже не связанное... Да и ни с каким другим. Было ОНО: древнее, страшное и невыносимо живое зло, исполненное отравы, каждым своим выдохом испускающее яд. Или прыгающий свет свечи искажал все вокруг? Николай Андреевич видел перед собой Молоха или Велиала, алкающего жертвоприношения – крови и плоти людской.

– Я тебе, Николушка, обиды не спущу, – с страшным гадючьим присвистом прошипело ОНО. – Вам от меня обоим солоно придется... Как бы не пожалеть! Подумай еще!

– Как ты сюда проникла? – Николай Андреевич, хоть и напуганный, спохватился. – Кто тебя впустил?!

– У меня везде слуги! – засмеялась Дарья Николаевна. Она подняла руку и высыпала на постель капитана несколько золотых монет. – Вот, смотри! Мои слуги и всесильны, и вездесущи – сквозь игольное ушко пролезут, не сомневайся!

Николай Андреевич с содроганием понял, что коварная баба говорила о золоте.

– Знай: и с тобой, и с твоей нищевородкой что захочу – то и сделаю. Хоть живыми в землю закопаю. Хоть на куски порублю...

– Ты с ума сошла, негодная! – возмутился капитан и попытался вскочить, но не смог: ноги у него оказались связаны!

– Не так прытко – упадешь, голову свернешь, – холодно сказала Дарья Николаевна. – Сроку тебе даю неделю, и чтобы одумался. Если же не порвешь ты с нею, с Палашкой... Я вас обоих тогда... пор-РР-рву!

Последние слова вдова прорычала так, что свеча погасла под могучим напором ее дыхания. Когда Николай Андреевич дрожащими от нервного возбуждения руками сумел-таки снова зажечь свет – в спальне никого уже не было.

Первая мысль, которая пришла на ум: следует разузнать, кого она подкупила в доме. Измену непременно надо обнаружить. «Мой дом – моя крепость», а какая ж это крепость, коли враги в нее проникают?

Одумываться Николай Андреевич вовсе не собирался. Он уже посватался к юной Пелагее Денисьевне Панютиной, а она и ее родители на свадьбу согласились. Отказаться теперь от

матримониальных планов или хотя бы отложить свадьбу – значит обидеть и будущую родню, и невесту.

А Пелагею Денисьевну Николай Андреевич обижать не хотел: не будучи сильно влюблен, он ценил и уважал эту красивую, разумную и спокойную девушку.

В особенности нравилось ему искреннее доверие, которое она оказывала своему жениху. Старше своей невесты почти вдвое, капитан чуть ли не по-отечески умилялся ее детски открытому лучистому взгляду. Что-то, а лукавить девица Панютина не умела.

Как-то, явившись утром, чтобы пригласить Пелагею Денисьевну на прогулку, Николай Андреевич заметил, что невеста его бледна сильнее обычного. От прогулки она отговорила, объяснив, что ночью плохо спала.

– Я обязательно должна вам кое-что рассказать, – сказала девушка. – Только вы, Николай Андреевич, пожалуйста, не смейтесь! Это не пустяки...

– Конечно, Пелагея Денисьевна. Я вас очень внимательно слушаю! – участливо сказал капитан Тютчев, пожимая тонкую руку в нитяной перчатке. – Говорите, пожалуйста, без обид.

– Мне ужасный кошмар ночью приснился, – при одной только мысли о сновидении девушка вздрогнула, задумалась и стала рассказывать, содрогаясь от воспоминаний: – Сначала мне снилась просто темнота. Знаете, такая тьма, что, как крестьяне говорят, хоть глаз выколи... Очень мучительно: я чувствовала, что в темноте кто-то есть, ощущала чужое присутствие, но увидеть не могла.

Я даже не понимала: сплю я или проснулась? Или, может быть, только хочу проснуться. А потом из темноты зашипел голос, и я догадалась, что сплю, потому что такие злые вещи... Это взаправду быть не может! Голос... Он мне грозил. Угрожал, что если я выйду замуж, то оно, это существо, меня до смерти замучает, изуродует, в могилу живьем закопает...

А потом случилось самое страшное. Свеча вспыхнула и осветила черное видение – чье-то ужасное лицо... Злое. Мне показалось, это была женщина... Она посмотрела на меня и прошипела прямо в лицо: «Смотри! Живой тебя закопаю!» И тут свеча погасла, я снова оказалась в темноте. Лежала, дрожала от страха. Под утро только смогла заснуть... Но знаете, что странно, Николай Андреевич?

– Что? – фальшиво-бодрым голосом спросил капитан. Он уже трепетал весь от надвигавшейся на него догадки, но все еще надеялся, что сия чаша минует... Напрасно.

– Вы знаете мой портрет, в моей комнате... Миниатюра в кедровой рамочке, папа три года назад заказывал Содрину? Этот портрет стоит у меня на трюмо. Так вот, наутро он оказался разрезан и разорван в клочья. Я страшно перепугалась. Маменька предположила, что это, может быть, я сама, под воздействием кошмара, встала во сне и порезала свой портрет. Говорят, бывают такие случаи. Называется «лунатизм». Это в Европе лечат... Ах, Николай Андреевич! Неужели это и вправду – я?... Папенька говорит, что гораздо хуже думать, что это кто-то другой в доме ночью был. Страшнее. Но мне почему-то ужасно неприятно, если это я. Вот. А вам не страшно теперь со мною, Николай Андреевич? – Пелагея Денисьевна смотрела на жениха своего с отчаянием, и в ее глазах дрожали слезы. Цепляясь за девичьи ресницы, в каплях горько-соленой влаги резвились и шалили солнечные зайцы.

* * *

Новая выходка Салтыковой взбесила капитана. Он не сомневался, что Пелагея Панютина никаким лунатизмом не страдала, а привидением, явившимся в ее дом, была проклятая ревнивая вдова.

Она явилась запугивать и угрожать, так же как когда приходила к самому Николаю Андреевичу. По счастью, никакого иного вреда мерзкая баба причинить не посмела. Все-таки

страх божий ее удерживал. Однако весьма неприятно. Кому хочется испытывать судьбу? И как же прикажете поступать в подобном положении?..

Из всего происшедшего капитан сделал только один практический вывод.

«Дарья бесится, пока я не женился! – решил он. – Значит, надо ускорить свадьбу. После нее ревнивица успокоится. Ведь с законным браком поделаться ничего нельзя!» Так и поступили.

Сыграть свадьбу гораздо раньше намеченного срока родители невесты поначалу не соглашались, считая, что это неприлично, но Николай Андреевич сумел всех убедить, что причина вполне уважительна. По необходимости государственной службы ему полагалось отбыть в длительную командировку.

Этим предложением он и воспользовался.

Свадьбу сыграли в доме невесты; ничего особенно страшного во время церемонии не приключилось. Хотя на другой день после венчания и загорелся овин, стоявший довольно близко к дому, но пожар вовремя потушили, а поскольку ветра в тот день не было, огонь на дом не перекинулся. Иначе, конечно, много народу могло пострадать: кроме молодых и родителей невесты в здании гостей было со всей округи.

Причастна ли к опасному происшествию ревнивая вдова или нет, Николай Андреевич даже и не думал. Все равно ничего страшного не приключилось, и он, наслаждаясь новыми радостями семейной жизни, искренне надеялся, что злопамятство брошенной любовницы вскоре сойдет на нет. Ненависть – чувство весьма хлопотное, обременительное.

Кроме того, Николай Андреевич с молодой супругой намеревались вскорости отбыть на Брянщину, в село Овстуг, чтобы налаживать хозяйство в имении Пелагеи Денисьевны.

Отъезд все откладывали, сборы затягивались. А Николаю Андреевичу тайным образом подкинули анонимное письмо с предупреждением.

«Тебя, батюшка Николай Андреевич, хотят убить, – сказано было в письме. – Известное тебе лицо, аки волчица рыкающая, алчет смерти тебе и твоей жене. Неоднократно в том попытки деланы, и только милостью Божией и кротостью тех, кого назначили в палачи ваши, вы обое еще до сих пор живы. А в том, что волчица та много народу извела и даже живьем в землю закопала, можешь не сомневаться. Слухи о ней давно идут, что она людоедка, но то неправда, а что люет без меры – то истинная правда. И если против кого ее гневный взор направится – все равно что указующий перст самой Смерти, и не избежать тому гибели. Жалея же в особенности молодую супругу твою, решились предупредить: готовится на вас покушение в Чернушкином лесу, по дороге к большому тракту. Там устроена засада. Люди ее посланы, чтобы разыграть разбойничье нападение, а на самом деле – чтобы изловить вас обоих и тебя убить, а после все на лихих людей списать. А жену твою она убить не приказывала, а приказала ее похитить. Потому что слышали мы, как похвалялась, что насладится ее смертью и хочет долго пытать «сию разлучницу»; обещалась жечь ей лицо шипцами, рвать волосы и выворачивать члены. В точности так поступила она допрежь с Катериной Семеновой, Федосьей Артамоновой и Аксиньей Яковлевой и многими другими. Те три названные все были женами кучера ее, Ермолая Ильина, и всех трех она убила, отчего кучер сей едва ума не решился, ибо сам не душегубец, и мочи нет такое зверство терпеть. И о том даже священник в Троицком знает и тоже староста. Но оба скрывают, ибо подкуплены и того паче за свою жизнь дрожат.

Молим тебя, батюшка Николай Андреевич! Ты, как государственный человек, подмогни постоять за правду. Избави нас от ее зверства. Мы тебе помогли – помоги ты нам. А тебе в том прямая выгода – ибо не будет от зверя иного спасения, как только ежели в клетку его посадить».

Письмо, писанное корявым полууставом, пахло ладаном и лампадным маслом.

Николай Андреевич письмом был ошарашен, но отнесся к нему серьезно.

Не сказав никому ни слова, а в особенности, конечно, молодой супруге, навестил он село Троицкое и тамошнего пьяницу попа, Степана Петрова; затем поговорил о чем-то со священником Ивановым в своем приходе и встречался тайно в его доме с какими-то людьми...

Ни единой живой душе о своих встречах и разговорах ничего не сообщал; вообще делался внезапно угрюм, нелюдим и деловит, изо всех сил подгоняя и торопя дело свое с отъездом.

Потом, в апреле 1762 года, приключилось происшествие из ряда вон: вся округа узнала о том, что из дома помещицы Дарьи Салтыковой убежали сразу пятеро мужиков. И не просто подались в бега, а, по слухам, понесли жалобу в Сенатскую контору. «Кто их к тому надумил?» – гадали местные обыватели и удивлялись.

Скандалное это дело кончилось, однако, ничем: ночной полицейский караул беглых задержал и, поморив, как водится, в каталажке, поступил с беспаспортными по закону. То есть выдал владелице. А спустя месяц никого из них в живых почему-то не осталось...

Правда, Николай Андреевич Тютчев и его супруга Пелагея Денисьевна ничего об этом не узнали: за неделю до возвращения беглецов в руки законной владелицы они покинули эти места, уехав в свое имение с целым поездом груженных обозов и под охраной двенадцати конных солдат, выданных государственному землемеру по его просьбе начальством. На новом местожительстве супруги зажили счастливо.

Николай Андреевич надеялся, что никакие ночные призраки никогда уже его не потревожат. Ибо есть же предел всему, даже ненависти человеческой. Но была ли злоба Дарьи Николаевны человеческой?..

К счастью его, лютоści сей демоницы вскоре был положен предел.

* * *

Несмотря на то что абсолютно бесправные крестьяне были в те годы отданы господам в полную власть и душой, и телом, на фоне любого самодура-помещика Дарья Салтыкова сильно выделялась склонностью к зверствам: сгубила и замучила более 130 человек!

Истязаемые люди подавали жалобы, но злодейка ловко уворачивалась от ответа, подкупая чиновников и следователей. Против нее было подано и оставлено без ответа 21 прошение.

И все же пролитая ею кровь переполнила чашу терпения Господа; злодеяния ее стали уже таковы, что скрывать их сделалось невозможно.

Дворовые люди Салтыковой – Савелий Мартынов и кучер Ермолай Ильин (тот самый, у кого помещица убила одну за другой трех жен) – совершили удачный побег и, рискуя жизнью, ухитрились-таки подать жалобу в последнюю для них на этом свете инстанцию – лично в государынины руки. Поговаривали, что беглецам помогал кто-то из дворян или судейских, но имена этих помощников остались неизвестны.

Екатерина, дорожившая своей репутацией просвещенного монарха, была вынуждена назначить тщательное следствие.

Первым делом дознаватели проверили домовые книги, которые весьма аккуратно вела хозяйственная помещица Салтыкова. Всего ей принадлежало 600 крепостных. 140 из них, судя по записям в книгах, были «проданы», «отпущены», «ушли в бега» или просто бесследно исчезли! На суде удалось доказать гибель лишь 38 человек.

Показания свидетелей, записанные в деле, были ужасны.

Убийства в доме Салтыковой начались почти сразу после смерти ее мужа, Глеба Салтыкова, и происходили постоянно, начиная с 1756 года. Она рвала слугам волосы, била, порола, прижигала лица их горячими щипцами, обваривала людей кипятком, оставляла голыми на морозе, закапывала в землю живьем...

И в то же время щедро жертвовала церкви, посещала службы, совершала паломничества и раздавала милостыни.

Еще больше она раздавала взятки. Полная и абсолютная безнаказанность преступницы разжигали в ней аппетит к убийствам.

Она и после ареста ничего и никого не боялась. Следствие не смогло побудить кровопийцу ни раскаться, ни даже сознаться. И угрозы пыток ни к чему не привели.

Ее нарочно приводили в острог, чтобы она присутствовала при муках других преступниц, незнатного рода. Однако чужие страдания и вид крови ее совершенно не смущали. Она с насмешкой относилась к потугам следствия запугать ее.

Как дворянку, Дарью Салтыкову могли пытать только с разрешения государыни, а Екатерина разрешения не давала. И преступница прекрасно была о том осведомлена: у нее имелись пособники среди полицейских и после ареста.

Следствие велось чрезвычайно долго по причине огромного количества причастных к делу людей и, что составляло особенную трудность и препятствие, все это были государственные чиновники, по долгу службы обязанные проверять жалобы и вести следствие.

Государыня Екатерина II почти два года самолично переписывала приговор, составленный от лица Правительствующего сената. Наказывать приходилось дворянку, да еще весьма знатного рода: пол-Москвы состояло в родстве или свойстве с нею. А самодержица российская заботилась о дворянском достоинстве.

Решение отыскалось. В 1763 году Дарья Николаевна Салтыкова была лишена дворянского звания, фамилии и родства. Отныне это была Дарья, дочь Николаева. Небольшую часть ее сообщников и покровителей – самых низких званий и положения, вроде попа села Троицкого, Степана Петрова, – сослали в каторжные работы.

Самой же Дарье по воле царицы пришлось отбыть час «поносительного зрелища» на Лобном месте Красной площади. Ее привязали к столбу с надписью «душегубица», и толпы простолудинов дивились и ужасались «людоедке», о которой уже вся Москва была наслышана.

Опозоренную перед всем светом преступницу поместили на пожизненное заключение в подземную тюрьму, нарочно для нее выкопанную в подвале Ивановского монастыря.

В том самом месте, где боролся с чертом Илларион, была «похоронена заживо» Дарья Салтыкова. Она сидела в земляной яме в полной тьме, лишённая человеческого общения; иногда ей позволяли поесть при свете свечного огарочка... А по большим церковным праздникам она подходила к окошку в потолке, настолько близко, насколько пускала цепь, какою была она прикована к стене, и, подставив лицо дневному свету, пыталась перекинуться словечком с кем-нибудь из случайных прохожих.

На нее приходили поглазеть как на диковинного зверя; матери пугали ею детей... Большинство же людей, брезгуя ее ужасным видом и безумными речами, шарахались, старались как можно скорее миновать страшное место.

Лицо бывшей душегубицы сделалось с годами мучнисто-белым, глаза ввалились и ослепли, а волосы сбились в колтуны и вылезали клочьями. Она отвыкла от живых людей.

В подземной могильной яме ее окружали только призраки. Они соседствовали с нею все эти годы, видения загубленных ею – запоротых, зарытых живьем в землю, обваренных кипятком, изувеченных, замерзших на лютom морозе.

И еще были с нею бесы – виновники лютom одержимости. С ними она перешептывалась в темноте, и они отвечали ей.

* * *

В 1778 году секунд-майор Николай Андреевич Тютчев навел на покинутую им Москву.

Большой карьеры на государственной службе он не сделал. Зато семейным счастьем оказался богат и в детях удачлив. В хозяйственных делах преуспел: начав когда-то с одного имения и двадцати крестьянских душ, входивших в приданое жены, довел число крепостных до двух тысяч, увеличил свое благосостояние, скупая то и дело по случаю земли и расширяя

владения. Лучше всего ему, как бывшему землемеру, удавались межевые тяжбы. Вот и теперь, явившись в Москву, он выиграл давно тянувшееся дело...

Пребывая в прекрасном настроении, прошелся он по московским магазинам, отыскивая подарки, гостинцы и сюрпризы для домашних.

Оказавшись у Ивановского монастыря, Николай Андреевич услышал разговор двух мужиков, торчавших зачем-то без дела под святыми стенами.

– Вот, гляди, уже ее наверх выпустят. Сейчас, как служба начнется, примечай. Вон в той яме!.. Людоедица вылезет.

Услышав про «людоедицу», Николай Андреевич вздрогнул. Что-то припомнилось ему в этих словах знакомое. Но ведь прошло уже семнадцать лет!..

Он встал и прислушался к разговору праздных мужиков.

– Одержима она, старики говорят, самим Сатанаилом. В остервенение входит, остановиться не может: а кровь почует – распалится, и уж тут все. Пока до смерти не замучит, до последней капли, до бездыханья – не отойдет. Проси не проси, хоть плачь, хоть умоляй – все одно: убьет. Так что ты смотри, близко не подходи – вцепится еще.

– За что ж в меня-то?..

– За что?! Думаешь, ей причина нужна?.. В ней бес сидит, а он духа живого в людях не терпит, понял? Как завидит плоть людскую – так и тянет раскровянить...

– Она, говорят, поленом больше всего...

– Это чтоб мясо помягше было, чтоб потом есть.

Мужики, перебивая друг друга, говорили страшным шепотом.

Вдруг с шумом разлетелись галки: звонарь начал перезвон к обеду.

Отпихивая друг друга локтями, мужики кинулись вперед, притискиваясь ближе к решетке, чтоб рассмотреть в темном провале за нею «людоедицу». Молча ждали, замерев, тарасились и сопели, шмыгая носами.

Николай Андреевич, словно замороженный, придвинулся тоже к отверстию в стене и заглянул в дыру.

– Вон! Вон она! – крикнул один из мужиков и указал пальцем.

В самом темном углу что-то завозилось; Николаю Андреевичу показалось – кучу ветхого тряпья шевелят крысы. Пахнуло гнилью, и то, что представлялось майору кучей тряпок, придвинулось к самой решетке, выпростав из глубины мучнистое рыло.

– Сата-ната-лята-гата... Ляти-мяти-гати-сати... – невнятно забормотало существо.

– По-бесовски разговаривает! – в ужасе прошептал один из зевак. – Упырь! Как есть упырь...

– Заклинает, окаянная...

Услышав человеческие голоса, упырь вдруг встряхнулся, прыгнул к решетке и звонко залаял. Делая попытки вцепиться в чью-нибудь ногу, упырь выл, рычал и размахивал руками с черными загнутыми когтищами.

Мужики бросились врассыпную. А упырь, подставив слепые бельма под ласковые лучи солнышка, довольно рассмеялся: ему понравилось, что зеваки испугались.

– Смотрите мне, дураки! Я вам обиды не спущу. Живыми в землю закопаю! У меня тут слуг много... – женским голосом сказал упырь и вдруг деловито принялся.

При виде того, как подземный бес нюхает воздух, Николаю Андреевичу сделалось дурно.

А упырь, встревоженно прижавшись мордой к решетке, внезапно заинтересовался:

– Николюшка, это ты?!

– Нет! Нет!!! – вскрикнул Николай Андреевич. Нервы его сдали. Он бросился вниз по улице, совсем не в ту сторону, куда шел прежде, но ему было все равно.

– Николюшка! Передумал, что ли? Иди же ко мне! Смотри, я ведь обиды не спущу!!! – бесновался демон за решеткой подземной тюрьмы. Совершенно уже неузнаваемая Дарья Николаевна Салтыкова, вопя и рыча, кусала в бессильной ярости железные прутья.

Бывший любовник, задыхаясь, убежал.

Впервые в жизни он до конца осознал, от какой ужасной участи уберегли его Бог и удачливая фортуна. Он бежал от страшного места, где, казалось ему, сам воздух был заражен ненавистью и безумием кровавого чудовища.

Покидая Москву, он радовался жизни и тому, что преследовавший его демон, так и не оставивший своей к нему ненависти, пребудет навсегда заточен там, далеко от его дома, жены и детей.

Далеко, очень далеко. У черта на куличках.

* * *

В 1779 году Н. А. Тютчев перекупил у новых владельцев бывшее имение Салтыковой, Троицкое.

Спустя еще 18 лет после того он умер богатым и уважаемым человеком, окруженный друзьями, детьми, внуками, любящей родней.

А Салтычиха, проклятая и забытая даже близкими, пережила бывшего любовника на четыре года. Смерть избавила ее от мучительного заточения лишь в начале следующего царствования, в 1801 году (в страшный год убийства Павла I).

Когда в Москву вошла армия Наполеона, Ивановский монастырь сгорел дотла.

Странно, но, хотя большинство московских зданий после войны восстановили, Ивановский монастырь так и не собрались отстроить заново.

Часть его бывших земель отдали впоследствии под здание ведомства с наиболее зловещей славой в советскую эпоху – КГБ.

Духовная битва, судя по всему, продолжилась.

Либерея

Подземелья Кремля

(Рассказ студента-историка)

В 1992 году я учился на втором курсе политехнического. Но, честно говоря, посещали меня тогда мысли, что с высшим образованием, может быть, надо завязывать.

В стране творилось невообразимое. Революция. Приватизация. Каждый поневоле в коммерцию ударился, потому что ничем больше кормиться не получалось.

Я с приятелями время от времени тоже кое-какие комбинации проворачивал – не все же у папы с мамой на шее сидеть!

И вот после одной особенно удачной сделки – в одном месте купил, в другом продал – я решил окончательно: брошу институт, уйду в коммерцию. Фиг с ним, с дипломом! Только сначала отдохнуть смотаюсь. Давно на море не был. Последние, так сказать, каникулы отгуляю.

Сказано – сделано. Билет купил. Сел в поезд Москва – Симферополь. Весь такой беззаботный, в предвкушении... Очень надеялся на хорошеньких попутчиц.

Но в моем купе их не оказалось. Какой-то жирный старикан устроился на нижней полке напротив меня. И сразу – за хавчик. Сел, разложился. Лупит вареное яйцо трясущимися пальцами. А ногти на пальцах прямо траурные.

Вот уж не подумал бы, что именно этот неопрятный старикашка повлияет на мой выбор профессии! Но именно так оно и получилось.

Разговор между нами завязался чрезвычайно просто. Как всегда в пути, я листал опостылевшую за последние четыре часа газету, зачитанную уже, что называется, до дыр, разгадал кроссворд с последней полосы, и вот уже когда совсем нечем было заняться, я кинул взгляд на раздел, всегда обычно мною пропускаемый, – отдел частных объявлений.

И обомлел. То, что я прочитал там, в голове как-то не укладывалось: «Куплю книгу “Письма другу, жительствовавшему в Тобольске», за 15 тысяч долларов. Посредникам гарантируется вознаграждение».

– С ума народ посходил! – не удержавшись, воскликнул я.

Старик напротив прекратил жевать, взглянул на меня и, заметив мое изумление, скосил глаза в газету.

– Ах, это, – сказал он. – Безумный Казимир. Все-то ему нейдет!

– Вы что, знаете человека, который дал это объявление?! – удивился я. – Ну и ну! Хотел бы я посмотреть, за что он предлагает такие деньги! Небось эдакий золотой кирпич, а? В золотом переплете – не меньше!

Мне было смешно. Но старик отвечал скучно, без малейшей улыбки:

– Редкая книга не всегда в золоте. И не всегда красивая.

– Да уж еще бы! Тем более – с таким названием! Могу себе представить.

– Что ж... Тобольск – город ссыльных. Эта книга – переписка между одним сосланным и его бывшим приятелем, весьма незначительным лицом, мелким московским духовным чином. Их имена вам ничего не скажут: в учебниках истории эти деятели отнюдь не числятся на первом месте.

– Тогда почему же ваш приятель готов платить такие безумные деньги за их переписку? – допытывался я.

– Надеется сорвать куш: сыскать Либерею! – сказал старикашка, аккуратно моргая на меня рыбьими глазками. Заметив, что я ничего не понимаю, он вздохнул и, пожевав губами, принялся тщательно разъяснять по порядку – так же тщательно, как перед тем разжевывал редиску с яйцами и огурцами.

– Либерея, юноша, чтоб вы знали, – величайшая историческая загадка. Если это слово перевести с латыни, так оно означает просто «книгохранилище», – говорил старик. – Речь идет о библиотеке московских царей, она же – пресловутая библиотека Ивана Грозного.

Разгадать эту историческую загадку – заветная мечта многих частных и государственных фондов, не только в России. Ну и отдельные лица тоже спят и видят, как бы проникнуть в тайну. Одни ученые полагают, что библиотека давно погибла. Другие – что она вообще миф, легенда, сладкая сказочка для дураков... Но золото Трои тоже было когда-то сказочкой. До тех пор, пока Шлиман не откопал его.

Упомянутая библиотека, по косвенным свидетельствам, обладала невероятной ценностью. В ней хранились в течение нескольких веков, кроме царских архивов и государственных документов, манускрипты, летописи и фолианты самого разного происхождения. Основу составляли книги византийских императоров из Константинопольской библиотеки – часть приданого Софьи Палеолог, вывезенного ею из Византии в 1472 году, когда она обвенчалась с московским государем Иваном III, дедом царя Ивана Грозного. Летописи сообщают о семидесяти подводах с книгами! Утверждается, что в этой коллекции находились свитки и рукописи из знаменитой Александрийской библиотеки и даже из библиотеки Чингисхана.

Книги привозили в дар московским князьям, покупали и забирали как добычу при захвате и разорении городов – Новгорода, Твери, Владимира, Суздаля, Пскова, татарских крепостей. Так, после смерти казанского хана Сафа-Гирея татары выдали Ивану Грозному вместе с вдовой и сыном всю казну умершего властителя. В казне же среди главных сокровищ числились арабские ученые трактаты.

То есть, если верить слухам, московская Либерея являлась богатейшим собранием книг Востока, греческих, латинских, еврейских и арабских авторов, летописаний древних славян, скифских и других народов.

Там могли быть редчайшие, потрясающие вещи, сохранившиеся, возможно, в единственном экземпляре!

«Аноним» Дабелова, которому не все, правда, склонны доверять, показывал, что в Либерее содержались, например, полный экземпляр «Истории» Тита Ливия, «Энеида» Вергилия, утраченные комедии Аристофана, сочинения Цицерона и многое другое. В списке Дабелова упомянуто около 800 единиц – и в числе авторов как известные, так и неизвестные науке имена: Кедр, Замолей, Гелиотроп. А среди книг известных авторов есть и такие, которые обнаружены были только в начале XIX века во фрагментах.

Отчасти по этой причине список Дабелова некоторые авторитеты считают подделкой. Кто знает?..

Список, собственно говоря, был неполной копией памятной записки на старонемецком языке. Какой-то безымянный пастор в ответ на запрос некоего важного лица по поводу библиотеки московских царей составил ее по памяти... Записка была обнаружена профессором Дабеловым – почтенным, кстати сказать, преподавателем Дерптского университета – в архиве города Пярну.

Можно, конечно, считать Дабелова мошенником – тем более что оригинал из архива города Пярну куда-то испарился. Но истории известен следующий эпизод: в 1556 году в присутствии дьяков Посольского приказа Андрея Щелкалова, Ивана Висковатого и Никиты Фуникова лютеранский пастор Иоанн Веттерман, Томас Шреффер и несколько пленных юрьевских немцев осматривали библиотеку царя Ивана Грозного. Немцам показывали Либерею, намереваясь нанять их в качестве переводчиков иностранных книг. Испугавшись, что варвары-мос-

ковиты засадят их всю жизнь корпеть над переводами, немцы сразу отказались: сослались на недостаток знаний. Один только пастор Веттерман то и дело восторгался исключительным богатством библиотеки и сокрушался, что не может выкупить все эти замечательные книги для лютеранских университетов.

Эпизод этот описан хронистом-ливонцем Ниештедтом и никем из историков никогда не оспаривался.

Список Дабелова, следуя логике, мог копировать записку, написанную пастором Веттерманом. Но доказать этот факт невозможно. Поскольку записка, частично скопированная профессором, канула в Лету столь же бесследно, что и описанная в ней Либерея.

Библиотека пропала после смерти Ивана Грозного. Царь умер внезапно, во время игры в шахматы. Он не успел составить завещание и не сообщил наследникам всех государственных секретов – в том числе о месте, где содержалась Либерея, как часть сохраняемой в тайне царской казны.

Было известно лишь, что московские государи хранили библиотеку в подвалах, опасаясь пожаров, которые часто случались в деревянном городе.

Вот в подземельях древнего Кремля и видел библиотеку пастор Веттерман. Видел Либерею и дьяк Большой казны Василий Макарьев, по приказу царевны Софьи прошедший потайным подземным ходом от Тайницкой до Арсенальной башни.

Хотя, если точно следовать фактам, изыскания дьяка Макарьева в 1682 году вызывают сомнения: на тот момент библиотека уже считалась пропавшей.

Дьяк Макарьев якобы видел и описал палаты под землей, заставленные сундуками до самого потолка, – добраться до них оказалось невозможно: запертые решетки на входе не пускали. Царевна Софья приказала не трогать странные находки до ее особого распоряжения. Впоследствии же тайные подземные ходы обвалились, и уже Конон Осипов, пономарь церкви Иоанна Предтечи на Пресне, попытавшийся осенью 1718 года проникнуть в описанные Макарьевым подвалы под Тайницкой башней, наткнулся на забитые глиной каменные колодцы и разрушенные своды, не дававшие хоть сколько-нибудь углубиться под землю.

– Либерея – это прекрасно! – не утерпев, перебил я старика. – Но я так и не понял: какое отношение ко всему этому имеет переписка с тобольским другом за пятнадцать тысяч долларов?!

– Если в этой переписке есть хотя бы часть того, о чем я думаю и на что надеется мой безумный знакомец Казимир, то цена ей – не пятнадцать тысяч, а все пятнадцать миллионов долларов, – хладнокровно сообщил старик и продолжил рассказывать: – Куда подевалась библиотека московских государей?.. Этим вопросом задавались и задаются многие. Огромное собрание книг, большинство из них – пергаментные... Пергамент может, конечно, сохраняться веками. Да к тому же книги были помещены в окованные железом сундуки. Но все же Либерея могла сгореть, утонуть, погибнуть под обвалами в подземельях. Ее могли украсть во время Смуты. Или даже просто съесть – оголодавшее польское войско, осажденное в Кремле русскими ополченцами князя Пожарского. И нечего тут хихикать! Пергамент – это кожа, ее можно варить и есть. Не слишком питательно, но голод не тетка. А поляки, сидевшие в Кремле, дошли в конце концов до прямого людоедства. Друг друга кушали. Что уж там пергаменты!

Но ведь всегда есть надежда. А вдруг?! А что, если Либерея цела? Как найти пропавшее сокровище? Я знаю людей, чья страсть к отысканию этого культурного клада столь велика, что они и сами готовы... землю грызть. Проверяются самые странные версии и теории, малейшие намеки и догадки – была бы хоть какая-то вероятность.

Есть такая довольно одиозная версия об украденных книгах... Ведь даже отдельные книги, содержащиеся в Либерее, были столь редки и примечательны, что сами по себе являлись целым состоянием, или, скорее, достоянием. Это такой соблазн! Для некоторых людей просто непреодолимый. Возможность отыскать подобную книгу, упомянутую в каких-либо

исторических источниках, – это возможность, во-первых, подтвердить само существование легендарной Либереи, а во-вторых – нащупать след вероятного ее местонахождения, ну и...

– Я начинаю понимать, к чему вы клоните, – улыбнулся я старику. Но он, раскочегарившись, только махнул рукой в мою сторону, чтоб я заткнулся. Торопливо хлебнул минеральной воды и заговорил снова:

– Однажды к Ивану Грозному обратился ногайский хан Тинехмат. Просил отыскать в Либереи рукопись сочинения Казвини «Аджанбу-аль-махлукат», в переводе с арабского – «Чудеса природы». Книгу искали, но не нашли... Неизвестно: царь обманул или слуги-балбесы не сыскали. Не в этом суть. – Старик неожиданно замолчал, а когда начал говорить снова, по лицу его забегали какие-то тени. – XVI век – время, когда магия и наука еще не были окончательно разделены. Научные трактаты содержали много чепухи, время от времени блистая гениальнейшими догадками, достойными звания открытий. В ту эпоху магия и наука трудились вместе на одной ниве познания. И действия обеих одинаково не одобрялись религией...

Рукопись «Чудеса природы» являла собой именно такое осуждаемое церковью смешение оккультных и натуралистических опытов познания природы. Это был труд человека, пытавшегося с самыми практическими целями собрать и обобщить все известное ему знание о мире. Это был учебник жизни, собрание мудростей и секретов природы, одна из первых попыток человека поставить натуру себе на службу. И там имелась масса рецептов – как именно это сделать...

За окнами вагона сгущалась синева. Поезд шел мимо обширных лугов, обрамленных чернеющими вдалеке елками. Внезапно я увидел, как ворон, распластав крылья, повис в воздухе, пытаясь лететь вровень с идущим поездом. На этой странной картине время как будто застыло.

Лицо старика, моего собеседника, с каждой минутой сильнее погружалось в темноту, покрываясь все более рельефными морщинами. Этот древний вещун старился прямо на моих глазах.

Он продолжал говорить, но очень тихо. Зашел с другого конца.

– Екатерина Алексеевна Долгорукая, в 1725 году одна из первых красавиц Москвы, воспитывалась в Варшаве. Далеко от своей азиатской отчизны.

В Польше московитские земли считались дикими, а все русское отдавало варварством. И Екатерина Алексеевна, впитав взгляды своих наставников и наставниц, не любила родную страну. Она не обрадовалась возвращению в Москву, несмотря даже на то высокое положение, которое было ей тут уготовано, и на восхищение, которое выказала ей вся местная молодежь из числа знати.

Юная княжна Долгорукая была равнодушна к грубым чувствам соотечественников, но послушна своему отцу, Алексею Григорьевичу. А у него были четкие планы относительно дочери. Вот эти планы и пришлись по душе гордой холодной красавице. Государь российский, Петр II, находился под несомненным влиянием брата княжны Долгорукой, Ивана Алексеевича. Долгорукий-старший не слишком доверял легкомысленному сыну и крайне, как самого большого счастья души своей, желал закрепить успех семейного влияния на царскую особу.

Если по чести, то у Долгоруких уже не было выбора. Умный расчетливый Алексей Григорьевич отдавал себе в том полный отчет: либо они, Долгорукие, окончательно сковывают государя в тесном кольце любви и заботы – так, чтоб тот без них и пальцем шевельнуть не посмел, – либо всех их, даже фаворита Ивана, друга царского, закуют в кандалы и сгноят в Сибири, а то и вовсе головы лишат. Уж больно много недругов у их знатной фамилии. Ни при каком дворе фавориты не живут дольше каприза своего повелителя. А посему надо поторопиться!

Ведь Долгорукие многим успели насолить, сражаясь за близость к власти. Свалили и самого всемогущего Меншикова. А ведь тот, хитрец и пройдоха, дочь Марию с государем уж было обручил. Да все одно: вместе с дочерью гниет нынче в ссылке, в Березове. Надо, надо

торопиться... Добыть Катеньке брак с царем, и глядишь – царская корона у князей в кармане! Катька хоть и дура-баба, а мысль отцовскую верно поняла. Недаром в Польше воспитывалась. Ради короны княжна на все готова. Но тут вышло препятствие ужасное и никак не ожидаемое.

Ленивый разгильдяй и пьяница Петр II, никчемный внучок царя Петра Великого, влюбился – неслыханно! В свою родную тетку, дочь Петра Алексеевича, живую и бойкую очаровательную Елизавету Петровну! И то сказать: разница в годах между племянником и теткой была столь невелика, что, если б не церковные запреты, ничего удивительного в таком союзе никто бы не углядел.

И уже составлялась при дворе партия подхалимов, напевающих царю в уши: дескать, есть некие возможности церковные запреты обойти...

Как в таких обстоятельствах мужчину окрутить с другой, ежели он не то что этой другою не соблазняется, но даже и смотреть в ее сторону не хочет?!

Алексей Григорьевич на дочь и кричал, и кулаком стучал, обвиняя в нерадивости и сущеглупости женской, но, однако, и сам понимал: не в чем дочь винить. Девица старается изо всех сил. И даже, не побрезговав, к пьяному государю в постель влезла. Да только что с того? Государь к княжне холоден и равнодушен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.